

ГРАНИ ТАЛАНТА
Вторые Дегеновские чтения

Автор проекта, составитель и редактор сборника Марк Аврутин

От составителя сборника

Ион Лазаревич Деген - удивительный человек, который ещё при жизни был официально удостоен титула «человек-легенда». Во время ВОВ - танковый ас и поэт. Его дважды представляли к присвоению звания ГСС – не присвоили, помешало происхождение. Стихи – слишком правдивые – не публиковались, а передавались из уст в уста. Дважды оказывался в числе убитых. В 1951 году закончил с отличием мединститут, стал хирургом-виртуозом, в 1959 году осуществил первым в мире операцию по реплантации предплечья. Будучи тяжелым инвалидом, Ион Деген защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию, стал основоположником нового направления – магнитотерапии, работая при этом рядовым врачом. В 1977 г. репатриировался в Израиль. Продолжая врачебную деятельность, много писал, издал 21 книгу, опубликовал сотни статей и стихотворений. Стихотворение «Мой товарищ в смертельной агонии» вошло в антологию русской поэзии.

На фоне главной интенции XX века - исчезновение личности – Ион Деген, оставшийся в памяти множества знавших его людей, поражает именно как личность.

Он был велик, не будучи возвеличенным титулами, званиями, занимаемыми постами. Танковый ас, занявший по праву (по количеству подбитой тяжелой немецкой техники) место среди лучших советских танкистов, не был удостоен звания ГСС.

Поэт, чьи восемь строк признаны лучшими из всех, написанных о войне, и писатель – автор 21 книги – не состоял ни в одной из писательских организаций.

Хирург-виртуоз, новатор, ученый-исследователь, и после защиты кандидатской и докторской диссертаций оставался рядовым практикующим врачом городской больницы города Киева.

А после репатриации в Израиль, на протяжении 40 лет жизни в новой стране, воспринятой им в качестве единственной своей Родины, не занимая никаких постов, он был принят высшими представителями политической и военной элиты исключительно как личность, дружба с которой дорогого стоила.

И, несмотря на всё это, Ион Деген остаётся почти неизвестен. Самое заметное издание Дегена на русском языке – это книга «Война никогда не кончается», которую составил Михаил Веллер. Она вышла в 2015 г. в издательстве АСТ тиражом три тысячи экз.

Почти одновременно в Израиле в Издательстве Philobiblon на иврите вышла книга «Я весь набальзамирован войной». Пока это единственная книга не на русском языке.

Наш долг хранить память о таких людях.

Предлагается вашему вниманию второй сборник «Дегеновских чтений», подготовленный в рамках мемориального проекта.

Был ли Ион Деген писателем и поэтом?

Марк Аврутин

Ион Деген: «Я не поэт и не писатель»

«Непостижим Ион Деген,
Полна чудес его дорога.
Не сомневаюсь, вот где ген
Судьбы, дарованный от Бога».
Юрий Солодкин

«Пророк, Оракул и Эстет,
Творец, чье слово режет камень,
Страшит тиранов, раздувает пламень –
Все это вместе есть ПОЭТ ...»
Хаим Соколин

«Он был един во многих лицах –
Воин, Врач, Учёный, Писатель, Поэт,
и всё это с большой буквы,
да ещё с какой большой!»
Юрий Солодкин.

Довлатов как-то сказал: **Я не уверен, что считаю себя писателем.** А Деген многократно заявлял: я не **считаю себя писателем.** И это не просто слова. Однажды его попросили дать лишь свою фотографию с написанным на обороте номером удостоверения личности – для принятия в Союз писателей Израиля от него больше ничего не требовалось. Ион поблагодарил за оказанную честь, но отказался, объяснив отказ тем, что он член профсоюза врачей Израиля, и ему этого достаточно, тем более что он не считает себя писателем.

И после ухода Дегена не стихают споры о том, был ли он поэтом и писателем. Да, Ион писал всегда. Во время войны родилась, так называемая, «окопная поэзия», и Деген стал одним из её лучших представителей. Но его стихотворения нигде не публиковались, а передавались из уст в уста, и автора практически никто не знал. Ион был тогда стопроцентным ура-патриотом и ему хотелось, чтобы его стихи были

такими, как у настоящих советских поэтов — героическими, призывающими, гневными. Но в его стихах не проглядывались ни пафос, ни ура-патриотизм, словно написал их не Ион, а кто-то другой.

Много десятилетий спустя в беседе со своим другом Виктором Каганом Ион рассказал ему, что он стихи не пишет, а лишь записывает их. Гуляет, например, в парке, который напротив его дома в Гиватаим, — «вдруг появляется какой-то ритм, и совершенно случайно наматывается стихотворение. Возвращается домой и записывает. Вот и всё писательство». И никогда Ион не правил свои стихи. А вот почти ровесник Иона поэт Константин Левин, тоже фронтовик и тоже инвалид, над стихотворением «Нас хоронила артиллерия...» работал долгие годы, с 1946 вплоть до 1981-го, многое убирал, что-то уточнял по словам и строчкам, что-то добавлял.

Да, можно сказать, что Ион Деген не был человеком, для которого литература стала ремеслом или, лучше сказать, профессией, поскольку производным от «ремесла» является «ремесленник», а производным от «профессии» — «профессор». Хотя и профессор может быть ремесленником, когда он дорожит своим авторитетом больше, чем, например, жизнью пациента. Именно такой «профессор-ремесленник» сократил земное пребывание Иона Лазаревича. В отличие от него, Деген, став специалистом высочайшего класса, ремесленником-виртуозом, был при этом ещё Человеком с большой буквы и Врачом, во всём следовавшим клятве Гиппократова.

Однако вернёмся к вопросу, был ли Деген поэтом и писателем? Что означают неоднократно повторенные им слова, что стихи он не пишет, а лишь записывает, и никогда их не правит. Ведь именно настоящий поэт не ведаёт, что творит, — им владеет божественная Сила. Вот поэтому летом 1945 года, когда Деген читал свои стихи в доме литераторов (ДЛ), где подвергся уничтожительной критике, он понял, что никогда не удовлетворит требованиям этого «генералитета» от поэзии и дал зарок, не иметь с ним дела.

И Деген никогда не жалел о выбранной им профессии врача. Об этом в не публиковавшемся его стихотворении есть такие строчки:

«Ну что — поэзия? Скажи, что может слово?
Ведь был Овидий и Шекспир, и Пушкин,
а человечество всё так же нездорово.
А скальпель может! Теплотой согрет он,
и ты порой подобен Демиургу.
Как хорошо, что я не стал поэтом!
Как хорошо, что сделался хирургом!»

То есть, «писательство» никогда не служило ему источником заработка, не став его профессией. И тем не менее, Деген, как принято говорить, широкой аудитории более известен именно как поэт и писатель. А его стихотворение «Мой товарищ, в смертельной агонии// Не зови понапрасну друзей.// Дай-ка лучше согрею ладони я// Над дымящейся кровью твоей.// Ты не плачь, не стони, ты не маленький,// Ты не ранен, ты просто убит.// Дай на память сниму с тебя валенки.// Нам ещё наступать предстоит» было признано лучшим стихотворением Великой Отечественной войны и попало в составленную Евтушенко антологию «Строфы века».

Евгений Александрович написал, что автор «Разрезал острее автогена, //Всё то, что называется войной//Треклятой, грязной, кровной и родной». А Михаил Веллер сказал: «Ион Лазаревич, Вы написали одно из лучших стихотворений о войне. В этих замечательных, трагических и страшных восьми строчках, по мнению многих настоящих фронтовиков-окопников, и заключена вся жестокая правда о войне». Читателя же, не имеющего схожего с ним опыта, эти восемь строчек просто потрясают.

После первого разгромного прочтения в ДЛ летом 1945 года это стихотворение вновь «всплыло» спустя 43 года уже в период «перестройки». Его опубликовал Евгений Евтушенко в «Огоньке» вместе с им же сочиненной легендой: «Эти стихи нашли в планшете лейтенанта, погибшего под Сталинградом». Годом позже нашли и самого автора, который к тому моменту уже более 10 лет жил и работал в Израиле. Вот там начали выходить его книги, а в периодических изданиях – отдельные стихи и рассказы. Стали издавать его и в России, а в бывшем Советском Союзе публиковали только его научные статьи.

Уже при жизни Дегена стали появляться статьи с критикой стихотворения «Мой товарищ...», будто бы оно о том, как «мелкотравчатый мерзавец, стаскивает валенки с ног раненого товарища». Первым из таких критиков был некто Ян Торчинский, который поместил 30 августа 2007 года в интернет- журнале «[Новая Литература](#)» статью под названием «Ах война, что ж ты, подлая, сделала...». Вслед за статьёй Яна Торчинского - «основоположника этого жанра» - появились ещё две статьи, двух **продолжателей** или **подражателей**: Константина Глинки и Юрия Колкера.

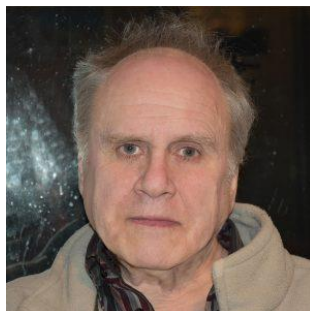
Юрий Колкер, который сам, кроме литературной и околослитературной деятельности, ничем другим не занимался, тем не менее, написал:

«Стихами зарабатывать на хлеб —
Какой Содом! Какое унижение!».

Но именно стихами, или в том числе и стихами, он зарабатывает себе на хлеб. И в этом проявляется его раздвоенность, напрочь отсутствовавшая в Дегене.

Колкер несчастливый человек. Это видно и по его фотографиям, и по его стихам.

Мы одни. Этот мир — западня.
Бог не слышит, не слышит меня!
Бог не слышит из нас никого.
У него на уме — вещество.
У него на уме — осьминог,
Носорог, крокодил, таракан.
Этот мир — достоевский капкан.
Бог безумствует. Он одинок.

Или это:

Ты не мал, не велик,
Ты не лебедь, а кулик,
Ты тихонько живи,
Даром неба не гневи, —
Бог стоит за углом
С занесённым топором.

Разве Деген мог написать такое: «Бог стоит за углом//С занесённым топором». Иона Деген никогда не покидало ощущение, что Бог его спасает, что без чуда он точно бы не выжил, и стихи ему диктуют оттуда, Свыше.

Я спросил Алекса Тарна, известного израильского писателя, поэта, переводчика, публициста, почему он и Юрий Колкер – два таких разных, на мой взгляд, человека и литератора – практически одинаково восприняли и охарактеризовали знаменитое стихотворение Иона Дегена «Мой товарищ...». Мне казалось, у Тарна гораздо больше общего с Дегенным, чем с Колкером, написавшим:

«Мы одни. Этот мир — западня.
Бог не слышит, не слышит меня!
Бог не слышит из нас никого...»

Деген такого точно бы не написал. Думаю, что и Тарн — тоже.

Алекс Тарн мне ответил, что всё, написанное Колкером, ему близко и понятно. «Я согласен с ним и в отношении этого восьмистишия. Оно кажется мне (и ему) воплощением чисто советской ментальности, согласно которой жизнь человеческая не стоит ни гроша - и, уж, конечно, не заслуживает какого-либо уважения. Той же ментальности, по которой генеральская доблесть измерялась числом убитых солдат - своих солдат. По которой Жуков бросал роты на минные поля как самый дешевый способ разминирования. Это ужасная, античеловеческая ментальность. Убит - и ладно, можно согреть руки, снять валенки и уйти, не оглянувшись.

При этом, заметьте, я не осуждаю тех солдат и того 17-летнего мальчишку, который это написал. Это не их вина — это их трагедия - родиться, жить и выживать при людоедском режиме, в людоедском воспитании. Мне непонятны и неприятны те, кто СЕЙЧАС восхищается этой ментальностью - и этим восьмистишием. Да, так было. Да, такова «правда той войны». Но этой правды следует стыдиться, а не поднимать ее на щит. Как стыдились участия в (или присутствия при) поголовных изнасилованиях немок. Это ведь тоже правда, не так ли? Давайте тогда откопаем что-нибудь вроде:

Этой немке полвзвода засаживало,

Ну я лишь стоял и смотрел,

А потом, как назло, померла она,

И пошел бог войны в артобстрел.

Нравится? Мне - нет.

Деген не отказывался от этого стихка, - потому что это действительно та правда, потому что это случилось с ним. Но он ни в коем случае не гордился этим стихком, а скорее стеснялся его, не любил его читать. Он не любил, а м...ки заставляли. Самая большая гадость этой ситуации, что его - удивительного человека, чьим главным качеством является высокое человеческое достоинство - помнят «как автора стихотворения «Валенки». Его - героя, всей судьбой утверждавшего человеческое и еврейское достоинство - помнят в связи с античеловеческой гадостью. В этом я вижу чудовищную несправедливость. Если Вы занимаетесь мемориальным проектом Иона Дегена, то мой Вам совет - или, если хотите, нижайшая просьба: не упоминайте этого восьмистишия вообще. Представьте, что его нет».

Я ответил, что ни согласиться с его мнением, ни принять его не могу. Деген, действительно, ничего не выдумывал, все его литературные произведения написаны им предельно откровенно. А эти восемь строчек — поэтическое воплощение того ужаса, с которым приходилось сталкиваться на войне. Но случиться этого с ним, как утверждает Алекс Тарн, просто не могло. До первого своего ранения Ион воевал летом, в июле на Украине. Какие могли быть там валенки? После госпиталя и пары месяцев реабилитации на Кавказе, он второй раз пошел на фронт добровольцем. Воевал в составе дивизиона бронепоездов, где форма одежды была, как у танкистов. После второго ранения был выписан из госпиталя и направлен в танковое училище (г. Чирчик, Ср. Азия). Окончив училище, провоевал в танковой бригаде смертников восемь месяцев. 21 января 1945 года Ион был ранен в третий раз, и, хотя полученные им травмы были признаны несовместимыми с жизнью, он чудом выжил, но остался тяжелым инвалидом и ничего, кроме ортопедической обуви, носить не мог. Так, что за все годы войны и после её окончания, в валенках Дегену ни воевать, ни просто ходить не довелось.

Тарн пишет: «Это ужасная, анти-человеческая ментальность. Убит - и ладно, можно согреть руки, снять валенки...». Но с другой-то ментальностью сходят с ума с

диагнозом – посттравматический синдром. Вот история с Гиладом Шалитом, сидевшим в танке за крупнокалиберным пулемётом и сдавшимся двум террористам. Шалита потом обменяли на тысячу с лишним бандитов-убийц, – это **человечнее**? Или поведение израильского генерала Гади Айзенкота, вообще не желавшего воевать, чтобы не испортить перед выходом в отставку свою репутацию N-м числом убитых солдат? После того как по югу страны было выпущено за сутки 500 ракет, он убедил премьер-министра перевести стрелки на север. Результатом этой безнаказанности стали уже 700 ракет, выпущенных за сутки по югу Израиля. Да, жертв среди населения было мало, если не принимать в расчет выросшее в результате такой политики поколение невротиков с энурезом.

Почему же Тарн просит не упоминать этого восьмистишия вообще? Почему эту «постыдную частушку», как назвал её Тарн, просили Иона прочесть на каждом его выступлении? И не стеснялся Деген своего стихотворения, а просто относился к нему, как к «заигранной пластинке». Предположим, просили его люди пожилые с советской ментальностью, но Борис Слуцкий в 1975 году эти восемь строк назвал самыми сильными строками о войне. Лучшим стихотворением о войне, написанным самыми простыми словами, назвал его Юрий Никулин, и сам же его прочитал, правда, с «исправлением» Евтушенко.

Позднее в перестроечные годы Евтушенко включил их в антологию «Строфы века». 30-ю годами позже Михаил Веллер сказал: «Ион Лазаревич, Вы написали одно из лучших стихотворений о войне...».

К 75-летию победы в театре Романа Виктюка поставили спектакль «Часовые любви». Это спектакль-размышление, спектакль-предостережение, спектакль-молитва. Лучшие произведения поэтов-фронтовиков и гениальных авторов послевоенного периода, воспоминания и письма очевидцев, любимые песни, собранные в один спектакль в исполнении артистов театра. Произведения Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Светланы Алексиевич, Ольги Берггольц, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского, Иона Дегена, Александра Твардовского и многих других выдающихся поэтов и писателей объединены в этом спектакле одной страшной и неисчерпаемо глубокой темой войны. Снят также одноименный фильм, который начинается чтением стихотворения Иона Дегена «Мой товарищ...».

Я считаю, что Дегену удалось в этих восьми строчках выразить ужас той войны, как Шаламову в «Колымских рассказах» описать весь ужас сталинских лагерей, который стал обыденностью. «Колымские рассказы» ведь не выбросили, не забыли, а перевели на многие языки и сделали символом той эпохи. И стихотворение Дегена продолжает волновать, о нём спорят и через 75 лет после окончания войны.

Близкий друг Дегена, врач и поэт, Виктор Каган, написал: «В восьми строках не рассказ о войне, а душа в трагедии обыденности и обыденность трагедии войны». А ещё он прекрасно прокомментировал вот эти строчки: «дай-ка лучше согрею ладони я над дымящейся кровью твоей». – «Сказал бы, что метафора, но хочу уточнить ... Метафора – переносное значение. Процедуру восхождения от этого значения к буквальной реальности, к прямому значению того, о чём говорится, называют заземлением метафоры. У Дегена в этой строке метафора: 1) обратная – он идёт от заземления, используя совершенно земной, натуралистический образ (абсолютно точный, кстати, если представить себе присевшим в холодном декабре около умирающего друга, прикоснувшегося в надежде, что ещё можно помочь, понявшим, что нет, и ощутившим тепло его крови) для обозначения «принять дух умирающего» и 2) гиперболическая». По мнению Виктора Кагана, не раз раненный на фронте Ион Деген, не «лирическим творчеством занимался», а поэтически свидетельствовал.

Неизвестный мне автор, на мой взгляд, хорошо написал: «Стихотворение не отменяет бесконечную ценность человеческой жизни, а, наоборот, заново утверждает ее, погасив сытый пафос «окопной правдой»».

В книгах о прикладной военной психологии их авторы пишут: «Солдаты на войне, которые стали свидетелями агонии и смерти своих товарищей, неизбежно принимают некое глубоко-личное решение, которое или создаёт у них PTSD (Posttraumatic stress disorder) или предотвращает его: «Если они выбирают игнорировать это или переосмысливать это в контексте «милосердие и неудача» (неудача предотвратить смертельное ранение товарища или спасти его уже раненного) - то они встали на путь, который ведёт к PTSD. Если они выбирают переосмысливать это в контексте «высшая коллективная (национальная) цель, более важная чем своя собственная жизнь и жизни всех своих товарищей-солдат» - то они встали на путь стать хорошими солдатами (готовыми убивать и умирать) без всяких PTSD. Хотя, конечно, вряд ли возможно так утешать агонизирующего раненного».

Сам Деген по этому поводу писал: «Я впервые услышал о том, что существует пост-травматический синдром, только в Израиле. Я ведь был три раза ранен, последний раз очень тяжело, осколок в мозгу, оторвана верхняя челюсть, семь пулевых ранений в руки, четыре осколочных ранения в ноги, **но я никогда не испытывал никакого посттравматического синдрома. Я просто не знал, что это такое. И потом, будучи врачом, тоже не знал.** На первых порах это меня возмущало. Здоровых солдат показывают психологу! Страх был. Люди боялись... Мне тоже, бывало, страшно, но еще больше я боялся, что кто-то скажет: еврей – трус! Поэтому первый лез всюду. Пост-травматический синдром, это другое, но я никогда с ним не сталкивался и не понимал этого явления».

Как сказал Михаил Веллер, все это стихотворение о страшных буднях войны. В нём Деген сумел выразить ее ужас, выразить этот ужас в простых словах, произносимых над телом друга, которого не только по-человечески похоронить нельзя, но ради достижения цели, во имя которой сражался и погиб солдат, приходится вместо почестей, взять валенки. И погибший солдат понял бы это, и поэт, случись ему погибнуть на поле битвы, понял бы такое отношение к себе. Их желание одно: «Идите вперед до победы! Да помогут вам наши валенки».

Ещё в 2009 году [Александр Малинский](#) в сетевом журнале «Заметки по еврейской истории» опубликовал прекрасную статью «**Маразматический этюд как литературный жанр**», которую посвятил разбору истинных причин критики стихотворения Дегена со стороны этих «собратьев по перу» и анализу содержания «жестокой критики». Казалось, после столь достойной отповеди вопрос мог быть закрыт. Но нет, помимо критики содержания и эстетики стиха, был поднят ещё вопрос об авторстве Иона Дегена.

А главное, за «дело» теперь взялись маститые ученые, их статьи (скорее всего, заказные) стали появляться в академических журналах. Нельзя же, в конце концов, допустить, чтобы ещё и автором лучшего стихотворения о войне был тоже еврей. Усилия профессоров направлены на то, чтобы приписать авторство Александру Кореневу, не упоминая даже Иона Дегена. При этом странная возникла ситуация: на странице Иона Дегена в Википедии он назван автором стихотворения «Мой товарищ, в смертельной агонии...», а на странице Александра Коренева в той же Википедии указаны только его поэтические сборники: «Взорванный горизонт: Стихи. — М., 1962; Вьюга: Стихи. — М., 1974; Избранное. — М., 1979; Взморье: Стихи. — М., 1983; Чёрный алмаз: Стихи. — Харьков, 1994».

Но, если статьи в Википедии можно править, то с коррекцией трех изданий «Антологии русской поэзии» (1995, 1997 и 1999 годов), в которых автором стихотворения «Мой товарищ, в смертельной агонии...» назван И. Деген, дело обстоит сложнее.

Ах, война, что ты, подлая» ...

*(Ответ на критику Яном Торчинским стихотворения Иона Лазаревича Дегена
«Мой товарищ, в предсмертной агонии»)*

Из голубой аорты
Льётся сиянье дня.
Мама, я, знаешь, мёртвый,
Ты вспоминай меня...

*Иннокентий
Светланов*

Прежде чем обсуждать эту спорную для, надеюсь, немногих тему, позволю себе выразить удовлетворение тем фактом, что уважаемый коллега по поэтическому цеху защищает свою позицию столь ярко, с явным неравнодушием и высокими моральными критериями по отношению к обсуждаемому вопросу.

Однако, попробую, впрочем, без особой надежды, переубедить человека, уже не один десяток лет столь твёрдо стоящего на позициях осуждения стихотворения И. Дегена, дать отличную от представленной им оценки происшедшего во время войны гипотетического, впрочем, и, несомненно, имеющего множество аналогов эпизода. Мне кажется, что большая тяжесть «преступления» снятия валенок связана с некой неопределённостью факта смерти лежащего на снегу бойца.

Семантический разбор отдельно взятых слов вне общего контекста и духа стихотворения может привести читателя к той резко отрицательной реакции на поступок «товарища», который и является камнем преткновения.

Но для всех ли? Стихотворение, «оглушившее» непосредственных участников и героев тех реальных событий, не могло стать таким популярным, неси оно в себе заряд их неодобрения.

Я не случайно вынес в эпиграф строки из стихотворения поэта И. Светланова, обращающегося к живым уже как бы из небытия. Справедливо и обратное: не только в поэзии, но и в реальной жизни, мы адресуем слова прощания, клятвы и просьбы к

покинувшим этот мир людям. Никого не удивит, скажем, фраза: «Прощай, друг! Я отомщу за тебя...». Так что просьба «не звать понапрасну друзей», как и все остальные слова, обращённые к нему, не означают, что адресат ещё жив и, тем более, находится в сознании. А если уцелевший (пока) боец в пылу атаки или по причине своей медицинской неосведомлённости принял тяжело раненого друга за мёртвого или умирающего, делает ли это его подлецом?

Вернёмся, тем не менее, на поле брани (в прямом и переносном смысле).

Из рук раненого (или убитого) товарища подхватывалось знамя (предвижу голоса: как можно сравнивать?), забиралось оружие, с которым шли в бой. Мой отец, ушедший добровольцем в первые дни войны на Первый Ленинградский фронт, рассказывал мне о том, что оружие было далеко не у каждого бойца, идущего в атаку. «Там подберёшь...» - говорили новоприбывшим защитникам отечества офицеры формирования. Вот и подбирали то, с чем и в чём идти дальше, и в этом контексте валенки, в которых пареньку предстояло идти в бой, также являлись жизненной необходимостью, стратегическим, так сказать, оружием. Мародёрство? Но мародёрство есть, прежде всего, грабёж с целью наживы. Кто назовёт грабежом поступок, в ходе которого солдат на поле боя, не имеющий ни малейшего представления о своей дальнейшей участи, с мыслью о предстоящем наступлении снимает с мёртвого (умирающего) товарища валенки, ценность которых лишь в том и состоит, что в лютый мороз они сослужат добрую службу тому, кому «ещё наступать предстоит»? В кого Вы бросаете камень, уважаемый критик?! К тому же имеете ли на то моральное право, не пройдя через передовую линии фронта?

В Антологии русской поэзии «Строфы века» под редакцией Е. Евтушенко стихотворение Дегена приведено как одно из лучших стихотворений о войне. Вот что он пишет: «...эти стихи наизусть читали и Луконин, и Межиров, Гроссман процитировал их в романе «Жизнь и судьба».

Теперь перейдём к собственно личности автора, написавшего ещё совсем мальчишкой это «беспокойное», но искреннее стихотворение. Человека, ушедшего в 16 лет добровольцем на фронт, в разведку, а затем ставшего командиром танковой роты, дважды представленного к званию Героя Советского Союза, награждённого орденом Красного знамени, тремя орденами Отечественной войны, Крестом Грюнвальда, Медалью «За отвагу» и ещё множеством боевых наград, изуродованного многократными ранениями и после этого ставшего Доктором медицинских наук, профессором, одним из ведущих специалистов Израиля в области травматологии, невозможно обвинить в недостойных помыслах и действиях или потаканию таковым. Автор – это, безусловно, Человек, перед которым не зазорно снять шляпу любому бравому борцу за высокие идеалы. Да просто взгляните в фотографии: перед нами лицо высоконравственного, умного, принципиального и доброго человека.

Перед нами Личность!

Что можно к этому добавить?

P.S.

После опубликования этой полемической заметки я получил письмо, в котором автор поделился со мной эпизодом из биографии своего отца.

Во время военных действий отец был контужен разорвавшимся рядом снарядом. Из снега торчали новые валенки. Кто-то из бойцов, стащив эти валенки с ног, вдруг обнаружил, что ноги-то тёплые! Он откопал замерзающего солдата, доставил его в медсанбат и тем спас ему жизнь.

Аркадий Блюмин

Творчество, не подвластное времени

Алмаз не подчиняется годам
И никогда не превратится в малость.

Эуард Асадов

Есть поэты и писатели, чьи имена, казалось бы, знают все, тем не менее почти никто не в состоянии процитировать полюбившиеся им строчки. Есть строки, которые людям запомнились, но имя автора стёрлось из памяти. Но есть незабываемые и влекущие имена и строки, которые помнят и любят люди самых разных поколений.

Таким для меня является имя Иона Дегена. Много лет тому назад, находясь в одной из своих многочисленных командировок, тоскливо мыкаясь вечером по гостиничному номеру, я взял в руки небольшой невзрачный сборник стихов и без особого интереса открыл его на какой-то странице. И всё. Я был потрясён, я был покорён искренностью автора, точностью слов, которыми он передал нам, читателям, свою боль с горечью пополам.

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

Читал, а душа замирала. Стихотворение было написано в декабре 1944 года, значит автор был на передовой, значит на собственной шкуре ощутил и перенёс фронтовые тяготы. Посмотрел на обложку – ИОН ДЕГЕН. Я стал безусловным поклонником его таланта.

Приведенное выше стихотворение Е. А. Евтушенко назвал одним из самых ярких, самых сильных военных стихотворений. Так же высоко ценили творчество И. Дегена поэты и писатели – фронтовики Д. Самойлов, В. Астафьев, В. Гроссман. Тема войны не отпускала Иона Лазаревича многие годы, он возвращался к ней и в 1956 году - «Безбожник», и в написанном через 40 лет «Долгом молчании». Но и среди ужасов

войны сердце поэта не ожесточилось, он и в разгар боёв был в состоянии трепетно отнестись к великому искусству. Приведу в сокращённом виде замечательное стихотворение «**Мадонна Боттичелли**».

*В имени, оставленном врагами,
Среди картин, среди старинных рам
холста в тяжёлой золочёной раме
Мадонна тихо улыбалась нам....*

.....
*Я перед нею снял свой шлем ребристый.
Молитвенно прижал его к груди.
Боями озверённые танкисты
Забыли вдруг, что ждёт их впереди...*

Такое ощущение, будто это не автор, а ты сам, ещё возбуждённый и оглушённый боем, изумлённо стоишь перед шедевром, а на душе стало тихо и светло.

Деген - разнотемный поэт, он не закичивается только на воспоминаниях о войне. Ему близка и еврейская тема.

ПРЕМЬЕРА

Раздал капельдинер либретто.
Не сыщешь ценителей строже.
Все сливки парижского света
В роскошном партере и в ложах.

На пульте лежит партитура.
Взволнован спокойный маэстро.
И вдруг - как огонь, увертюра
Взрывается в недрах оркестра.

Взметнулись серебряной лентой,
Сверкнули пять нот роковые.
И гром духовых инструментов
Пропел их Парижу впервые.

Не герцог блистательный тонкий,
Не звуки гостиной, не это.
Крестьянка, солдат и девчонка.
И бубен, и щёлк кастаньетой.

Призывна, светла хабанера.
А мальчиков пенье воздушно.
Но дамы, но их кавалеры
Суши, холодны, равнодушны.

Ни хора дары, ни оркестра,
Ничто этот зал не волнует.
Откуда им знать, что маэстро
Когда-нибудь мир завоюет?

И снова пять нот. И не можешь
Не слышать рыданий их горьких.

Но шумно в партере и в ложах.
Но клакеров свист на галёрке.

Погрызшим в разврате и в лести
И страсть, и страданье - пустое.
Ну, что в сен-жерменском предместье
Герои без титула стоят?

А может не страсти плембеев?
А может, лишь тем виноват он,
Что предок его в Иудее
На горе родился когда-то?

В лазурной сияющей дали
Средь звуков он жемчуг разыщет,
Чтоб где-то в Латинском квартале
Скончаться безвестным и нищим.

Июль 1951 г.

На подворье старой Марфы
Заваялся остов арфы -
Жалкий след былых трофеев,
Взятых Марфой у евреев.

В угасающем сознание
Промелькнет воспоминание,
Сердцу милые детали,
Как арфистку убивали.

Хороша была жидовка.
Но топор у Марфы ловкий.
И добра поднакала.
Эх, начать бы всё с начала...

1961 г.

ОБ АЛГЕБРЕ И СКРИПКЕ

Он не запомнил ни отцовской ласки,
Ни даже сытым в детстве не бывал.
Отец поцеловал его в коляске
И навсегда взошёл на пьедестал.

В наследство скарб ему достался хлипкий
Согласно обывательскому мнению:
Две ярких страсти - к алгебре и скрипке,
Два ордена на вечное хранение.

Святая верность неразумной вере
И вера, в то, что лишь она одна.
Что навсегда разбиты изуверы -
Недаром ведь в шкатулке ордена.

И вдруг сейчас отвергнут он мехматом,

Который мог бы украшать по праву,
Лишь потому, что нос слегка горбатый,
Чуть губы выпуклы и волосы кудрявы.

Осина от стыда краснеет в сквере.
Что делать? Только ль алгебре конец?
Зачем с пелёнок верность лживой вере?
Зачем на смерть ушёл его отец?

Зачем готов был жертвовать собою,
Пред идолами голову склоня?
Хмельницкий, потрясая булавою,
- Геть звидсы, жйд! - Кричит ему с коня.

А шар земной молчит, как будто вымер,
Наполненный враждебностью литой.
Сердито вслед ему глядит Владимир,
Ещё один придуманный святой.

Кресты Софии придавили плечи,
Хотя изъят у колоколен звон.
Мелодии чужие в этот вечер
Впервые пел ему магнитофон.

Пел кантор. Что такое кантор?
И на каком он языке поёт?
Рыдала скрипка. Этой боли квантам
Не нужен был подстрочный перевод.

Вливалась в кровь минорная тональность,
Текущая рекой двадцатый век.
Вот так приобретал национальность
Обычный юноша. Советский человек.
1961 г.

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА

Запад чёрными тучами бесится.
Арарат похищая снова.
Ятаган ущербного месяца
Отсекает куски живого

И кромсает плоть иноверцев,
Мне по крови родных и близких.
Я примёрз оголённым сердцем
К рассечённому обелиску.

На горе, над пенным Разданом,
Переполненный гневом ярым,
Возвышаясь над Ереваном,
Он стоит и над Бабьим яром.

Он кричит уцелевшим младенцам
На груди остывающей мамы,
Проклиная нацистов-немцев
И кровавую мерзость ислама.

Проклиная мрак фанатизма
И фашизм всех цветов и устоев...
Город, полный огней и жизни,
Расстилается подо мною.

И библейским горам и долинам
Я с почтением кланяюсь низко.
Я, еврей, становлюсь армянином,
Осязая боль обелиска.

25.10.1973.

МОРИЯ. ХРАМОВАЯ ГОРА

Ицхака на закланье Авраам
На этот холм привёл во имя веры.
Сравнивали здесь с землёю Первый Храм
Пришедшие с востока изуверы.

И Храм Второй, Всевышним не храним,
Весь осквернённый, кровию залитый.
По трупам иудеев и своим
В него ворвались легионы Тита.

В огонь швыряли свитки сгоряча,
Воруя непонятные предметы.
И унесли в Европу невзначай
Моим прапредкам данные Заветы.

Священный для евреев холм.
Но там,
Как клякса над Стеной сейчас Аль-Акса.
Я знаю: здесь построят Третий Храм.
Господь порою подчищает кляксы.

6.02.1994 г.

МЁРТВОЕ МОРЕ

Атеисту

Прислушайся. Не намекает ли,
Что во Вселенной есть места иные.
Предельная депрессия Земли.
И в море ощущение не земные.

Прислушайся и приглядись. Вокруг
Всё, что описано подробно в Торе.
И этот соли столб, застывший вдруг.

И приговор Содому и Гоморе.

За морем фиолетовый Моав.
Закат над Иудеей красит сушу.
Смотри, как умолкает мир, устав.
Открой глаза, когда не в силах душу.
6.02.1994 г.

МАСАДА

Геройством нас не просто удивить.
Со смертью подвиг возносился рядом.
Геройство - это трусость утаить
И первым встать за рвущимся снарядом.

Но на скале пустынной я стою.
Пред безнадежным мужеством немея.
Три года не щадили жизнь свою,
Сопrotивляясь римлянам евреи.

В боях с нацизмом и в сраженьях здесь
Мы среди лучших были неизменно.
Я знаю, чья заквашена в нас смесь.
Я знаю, чьи завещаны нам гены.
7.02.1994 г.

МОДИИН

Где рукотворные сосновые леса
Связуют Самарию с Иудеей,
Беспрекословно веришь в чудеса
И слышишь повеленья Маковеев.

Отсюда Матетьягу начал бой,
Повёл с собой односельчан немногих.
И побеждали, видя пред собой
На знамени девиз "Во имя Бога!"

Надеюсь, не покатымся мы вниз,
Отдать земли священной не посмеем,
Лишь только б сохранить девиз,
Который вёл на подвиг Маковеев.
8.02.1994 г.

У ИСТОКОВ ИОРДАНА

Носитель утопических идей
Услышал глас Всевышнего однажды:
- Держи Голаны, глупый иудей,
Держи крепче, иль умрёшь от жажды.

Брезгливо отмахнулся утопист.
Его сомненье никогда не гложет.
Он знает. Ведь на то он атеист,

Что голоса такого быть не может.

От этих маловодных берегов
Я вознести свою молитву смею:
- Спаси, Господь, о, нет, не от врагов,
Спаси страну от глупых иудеев.
8.02.1994 г.

АШКЕЛОН

В пространстве и во времени вольна,
Легенда или была в руинах старых,
На дюны ашкелонские волна
Пришла, лизнув твердыню Гибралтара.

Отхлынула к местам былых держав.
А пляж пустынный вспоминает сонно,
Как рухнул храм, филистимлян прижав,
Поваленный ручищами Самсона.
Империи развеялись, как сон.
А мой народ остался, не старея.
И возрождают древний Ашкелон
Бессмертные потомки назаряя.
10.02.1994 г.

ХЕВРОН

В Хевроне нет сверкающих дворцов.
В Хевроне получают наши дети
В наследство лишь могилы праотцев -
Наследье четырёх тысячелетий.

Угрюмый камень, пыльная полынь,
И жаждет крови Амалек, зверя.
И всё ж одна из четырёх святынь
Хеврон, как встарь, сегодня для еврея.

Но может на святыню наплевать
Тот, для кого она предмет сатиры.
Готовый променять отца и мать
На тень воображаемого мира.

"Шалом ахшав!"* Вслепую. В круговерть.
Наивно веря в совесть мировую.
Так верили ведомые на смерть,
Что их ведут помыться в душевую.
11.02.1994 г.

* Мир сейчас (иврит). Крайне левое движение в Израиле.

"ВЕЧНЫЙ ЖИД"

В социализм я выполз из песков.
Уже давно не строю пирамиды.
Но в генах больше тридцати веков

Былого рабства спят нуклеотиды.

Мне нужен со свининкой бутерброд.
Опохмелиться утром должен квасом.
И бесконечно длится мой Исход.
И вечно снится мне кастрюля с мясом.

1994 Г.

ЕЩЁ ОДНА ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

Солгал великий Микеланджело.
Он библию знал основательно.
Но мрамор кое-где подлаживал
В угоду публике влиятельной.

Он знал: у них по их конвенции
С восьмого дня препуций срезанный.
Но католической Флоренции
Давид угоден необрезанный.

И потому фальсификация
Обнажена, не под покровами.
Такая иудеи нация -
Оболганы и обворованы.

1998 г.

ЕВРЕЙСКИЙ НАРОД

Уменье ли абстрактно рассуждать?
Иль на упрямстве ты замешан круто?
Или терпенье в катастрофах ждать?
Не лучший он. Но избран почему-то.

Не примитивных идолов парад.
Творец - абстракция. Творец - идея.
А то, что Е равно мЦ квадрат,
Открылось взору мудрого еврея.

1999 г.

ТОНАЛЬНОСТЬ

Я, фразами избитыми звеня,
Мечтал с поэтами петь в общем хоре.
Но даже песнь победы у меня
Чего-то изливалась лишь в миноре.

Мне не открыл войны кровавый час,
Да и потом я выяснил не вскоре,
Что даже "Фрейлехс" и хасидов пляс
У клезмеров всегда звучат в миноре.

Не только тягостных столетий хлам,
Не только потому, что горя море,
А потому, что не отстроен Храм,

Вся музыка еврейская в миноре.

Меня замкнули и отец и мать
В мистическом непознанном просторе.
И что-то запрещает мне писать,
Когда возникнет тема не в миноре.
2000 г.

ДЕВЯТОЕ АБА

Надеюсь, Боже, ты меня простил.
В традициях еврейских не воспитан,
Я, грешный, в день печали не постил,
Хоть болью поколений был пропитан.

Ведь будь я средь двенадцати в тот час,
Стоял бы, как Иошуа и Калев.
Не убывали трусы среди нас,
А после пост с повинной отбывали.

В шесть дней евреями повержен враг,
Но грех неверья - помутнение взора.
С Аль-Аксы сняли вдруг израильский флаг
По подлому приказу мародёра.

Давним-давно пора нам поумнеть.
Он терпелив, но может хлопнуть дверью,
Устав прощать и без конца терпеть
Позорное еврейское неверье.

Потомки древних иудеев, тех,
В крови которых завелась отравка,
Постим и просим, повторяя грех
Свершённый мерзко в день девятый аба.
2000 г.

ЕВРОПЕЙСКИМ АНТИСЕМИТАМ

Подлая ложь, что к стране моей скопом
У либералов симпатии нет.
Это меня ненавидит Европа,
Как ненавидела тысячи лет.

Это меня, не убитого газом,
В лапы убийца араба вручить,
Чтоб окончательно, главное - сразу
Незавершённый вопрос разрешить.

Антисемита фальшивые байки.
Снова навет в европейском хлеву.
Но, пережив королевства и райхи,
И "демократов" я переживу.
2003 г.

УСЛЫШЬ МЕНЯ НЕ В МИНЬЯНЕ

Мы с аурой убогой поневоле
Молитвой исправляем свой изъян,
Разумно, чтоб усилить биополе,
Евреи собираемся в миньян.

Душа просить прощенья не устанет
За грешную свою земную плоть.
Хоть голос мой немощен, не в миньяне
Услышь меня, пожалуйста, Господь.

10.10.2007 г.

Сыну.

Века от праотцёв до моего отца
Тянулась веры непрерывная цепочка.
Я вдруг прервал её. Не статут подлеца,
Всего лишь верным коммунистом был до точки.

Отцовской славы три Георгия креста,
Завёрнуты в талит, хранила мать в подполье,
И филактерии. Считал я неспроста
Антисоветским, чуждым мамы своеволие.

В цепочку Дегенов я вплёлся, как изъян.
Ты устранил его. Ты новая страница.
Спасибо, сын, ты среди тех израильтян,
Которыми страна с достоинством гордится.

1.10.2008 г.

ПАСТЕР И ПАСТЕРНАК

Бесспорно, талантлив поэт Пастернак,
Значимей Пастер, хоть короче.
Родился французом. И прожил он так.
Евреем Борис быть не хочет.

Науму и Осипу тесно двоим.
А Мандель по-русски Коржавин.
Но Мандель крещёный не станет своим,
Как в русской державе Державин.

Мной каждый, кто честен, приемлем вполне.
И вывод мой прост и недолог:
Крещёных поэтов-евреев, по мне,
Достойнее микробиолог.

12.05.2009 г.

МОГИЛА ПАСТЕРНАКА

Не прекращал упорно убеждать,
Что русский он. Не важен акт рожденья.
Пытался от еврейства убежать,

Порою проклинал происхождение,
Хоть знатные родители. Что в том?
Евреи ведь. Такое вот злодейство.
Писал, творил, и каждый новый том
Стерильным был от чуждого еврейства.

По-русски думал и по-русски жил.
И даже почитал вождя-убийцу.
Для чести русских премию нажил.
Лишь в русских женщин страстно мог влюбиться.

Но ни к чему российское подобье.
Нет, от судьбы еврей не убежит.
И юдофобы на его надгробье
По-русски жирно написали «ЖИД».

18.10.2009 г.

СУББОТА В СИНАГОГЕ

Когда, поднявшись к Торе, возвращаюсь в зал,
Мне пожимают руку незнакомые евреи.
Рукопожатия нет для меня добрее.
Я слышу явственно, что Он нам приказал.

И если бы достойно выполнить приказ
Синхронным действием евреев многих,
Не только тех, кто нынче в синагогах,
Возможно, Он помиловал бы нас.

11.07.2009 г.

БАЛАК, БИЛАМ И СОЗРЕВАНИЕ

Хотелось в детстве взрослым стать скорее
В стране идей торжественных и чистых.
Никак не ощутив себя евреем,
Я рос вполне музейным коммунистом.

Но откровенье постепенно зрело.
Что быть евреем – подвергаться страху.
Пришёл не сразу и не слишком смело
От лживых измов к мудрому ТаНаХу.

След логики во все века невидим.
Причины ненависти, злобы, отторженья.
Народ уже Балаком ненавидим.
Иудаизма крепло зарождение.

ТаНаХ принял душою без изъятия –
Пророчества, пороки, откровенья.
Биламу благодарен за проклятье,
Которое пришло благословеньем.

21.08.2010 г.

Ранения целят Марианське Лазни.
Курорт вместил покой и суетливость.
Но здесь в раю одна несправедливость
Мне кажется особо безобразной.

Сжимает горло ярость – не обида.
Немецких ветеранов слишком много.
А где сияла в прошлом синагога.
Сейчас лишь камень со Звездой Давида.

И потому без тормозов, зверею
При встрече с немцем с палкой на дороге.
Возможно, он в той самой синагоге
Свой парабеллум разрядил в еврея.

А этот, может, ждал меня в засаде.
И мы тогда друг друга подстрелили.
Танцоры сатанинской той кадрили
Сейчас мы воду пьем в Мариенбаде.

Такого ненавидеть я не смею.
Свой долг мы выполняли как солдаты.
Но и в аду пребудет виноватым,
Убивший безоружного еврея.

19.08.2011 г.

ЛАБУХ

Местечковый неприметный лабух
Дул всю жизнь на своём баритоне.
И не знал, что Бетховен с Шопеном
Три пальца и губы его прикасали
К самоварной меди трубы.
Он имён даже этих не слышал.
Не встречалось Бетховенов в штейтле,
Ни Шопенов. Сплошные евреи.
И на цвинтарь носили евреев,
Толь под музыку, толи так, без неё.
Лабух в клезмера перерождался.
В пору, коль не Бетховен с Шопеном,
А мелодии с маминых сладких сосков.
И родные названия музык.
"Семь сорок" и "Фрейлехс". На свадьбах. Губами?
Нет, сердцем своим он вдувал в баритон.
Но всё-таки чаще Бетховен с Шопеном.
Так он додул до седьмого десятка.
А в июльском аду баритон на лопату
Сменил, хоть уже даже дул через силу.
Но приучен к приказам начальства,
Чуть живой, ров копал против танков,

Понимая, что танки направит сюда
Лишь лабающий "Фрейлехс" над гробом.
Лабух во рву, как и сотни евреев,
Хладнокровно расстрелянных теми,
Эфемерные танки чьи вырытым рвом
Преградить захотели кретины.

20.11.2015 г.

СУББОТА

В моей руке бокал с вином.
И наизусть Кидуш читаю.
Уже не думаю о том,
А сердцем святость ощущаю.

Забыл, как робко начинал
Безбожник праздновать субботу.
Как отступал привычек вал
И уводил с собой заботы.

Подсчёт подаренных мне дней.
Зажжённые женою свечи.
Что может быть семьи родней,
Собравшейся в субботний вечер.

А сколько лет наоборот
В неведение прожил бездарен.
Как много потерял суббот.
Но как за эти благодарен!
29.01.2016 г.

ПРИГОВОР ПТИЦЕЛОВУ

От волн морских, от птиц любимых леса
Он, комсомолец новообращённый,
Освистывал еврейскую Одессу,
Химерой смутной глупо окрещённый.

Ещё в нём тонны залежей таланта,
И отомщённый Пушкин так же свят.
Но громко гимн певца-ассимилянта
Больные бронхи вряд ли просвистят.

Задумался ли об отцовской боли?
О сущности своей? Пусть даже редко.
И мучил птиц любимых он в неволе,
Не важно, что ухоженные клетки.

И там, где отмеряются деянья,
Все за и против в дело занесут,
Ждёт, может быть, услышит покаянье
Невидимый, но справедливый суд.

Нет покаянья. Всё первоначально.
Неисправим талантливый поэт.
И приговор, как это ни печально:
Ему умолкнуть в тридцать восемь лет.
16.02.2016 г.

Во мне нахально хулиганит тумор.
И, так как я, пока, ещё не умер,
Сильнее тумора еврейский юмор.
Он даже обезболивать умеет.
Открытым текстом сказано еврею
О том, что срочно ожидаем там.
Чтоб облегчить труды гробовщикам,
Сейчас катастрофически худею.
Одно лишь не могу исправить жлобство,
Любимым оставляю неудобство.
Понятно, что стишки такого сорта
Позволено публиковать пост мортем.
31.03.2016 г.

Как не привести здесь написанное в 2005 году такое выстраданное

«Одностороннее размежевание»

Мир перенасыщен катастрофами.
Застревает в горле сгусток слов.
Мостовые вымощены строфами
Из моих не созданных стихов....

И с какой горечью, почти не скрываемым осуждением он пишет о тех, кто
примазывается сегодня к славе фронтовиков

Привычно патокой пролиты речи.
Во рту оскомины от слов елейных.
По-царски нам на сгорбленные плечи
Добавлен груз медалей юбилейных.
.....

Торжественно, так приторно-слащаво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой... им наша бывшая отвага?
.....

Сейчас всё гладко, как поверхность хляби.
Равны в пределах нынешней морали
И те, кто блядовали в дальнем штабе,
И те, кто в танках заживо сгорали.

И. Л. Деген не романтизирует войну, наоборот, он раскрывает её ужасы и трагизм, его герой – труженник фронта в серой шинели. Темой войны пронизана и его проза. Особо подкупает ещё и то, что нигде в его произведениях вы не встретите примитивного ура – патриотизма.

Но было бы несправедливо говорить об И. Л. Дегене только, как о поэте – он замечательный прозаик. Никого не оставит равнодушным его рассказ «Хасид», написанный явно рукой большого Мастера. Здесь, впрочем, как и в других его прозаических произведениях, нет ни одного лишнего штриха, даже намёка на то, что называется литературщиной. Настоятельно рекомендую не пройти мимо также и пусть кровоточащего, но преисполненного оптимизмом рассказа «Майер и Маркович». Повторюсь, но ещё раз подчеркну, что Ион Деген не был заиком на теме войны, оставившей такой глубокий след в его душе. Нет, это был не след – это был невероятный шрам, это был жестокий ожог.

В рассказе «Жидёнок» перед нами предстаёт совершенно новый, высоконравственный, очень требовательный к себе Ион Деген. Чтобы не быть голословным, и не считая себя в праве в данном случае комментировать, приведу его с небольшими сокращениями. «В студенческую пору мне был очень симпатичен артист еврейского театра Изя Рубинчик. Мы познакомились. Родом из Польши, Изя очень любил Юлиана Тувима. Как-то мы сидели на Театральной площади. Изя прочитал мне два стихотворения – «Хлеб и нож» и «Жидек»... Мне очень хотелось перевести оба этих стихотворения... Мне известны четыре перевода «Жидека». Все они озаглавлены «Еврейский мальчик». Перевод, который я боюсь назвать своим, ведь абсолютно не помню, как и когда он был сделан, называется «Жидёнок».

*Путаясь в лохмотьях, не щадя силёнок,
Во дворе поёт помешанный жидёнок.
Люди его выгнали. Бог затмил сознание.
Языка родного он лишён в изгнание.
Он поёт и пляшет, чешется и плачет,
Что себя сгубил из-за людских подачек.
Пан из бельэтажа смотрит на жидёнка.
Я узнал, парнишка, голос твой не звонкий.
Где мы очутились? Как себя сгубили?
Миру мы чужие. Людям мы не милы.
Пан из бельэтажа сделался поэтом.
Завернёт он сердце, как медяк в газету
И швырнёт на землю, чтоб оно разбилось,
Чтобы растоптали, чтоб скорей не билось.
И пойдём бродяжить разными путями.
Ты – с шальной песней. Я же – со стихами.
Только в мире нету ласки и привету
Ни жидам-безумцам, ни жидам-поэтам.*

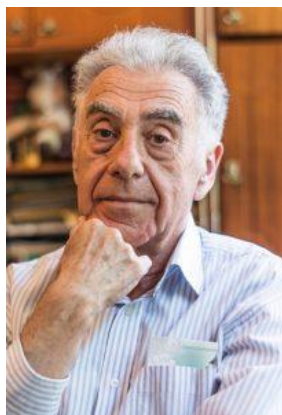
Публиковать свои стихи, даже написанные шестьдесят и больше лет назад, я начал относительно недавно. Собираясь опубликовать «Жидёнка», но останавливался, не убеждённый в том, что именно я автор перевода. Я называю это провалом. Дело в том, что для перевода мне был необходим подстрочник. Изя Рубинчик не мог мне его дать. По-русски он, по-видимому, не писал. Следовательно, подстрочник со слов Изи должен был записать я. С Изей мы встречались на Театральной площади. Значит, именно там под его диктовку должен был появиться подстрочник. Обычно у меня всегда с собой был толстенный блокнот-альбом, в который я записывал всё забавное и рисовал карикатуры. К превеликому сожалению, перед выездом в Израиль я был вынужден сжечь этот блокнот вместе со всем своим архивом. Отчётливо помню: в нём не было

подстрочника. Но ведь подстрочник должен был продиктовать Изя Рубинчик. Когда? На чём я его записал? Не помню. Так всё-таки автор ли я этого перевода? Впрочем, какое это имеет значение? Главное – перевод будет опубликован.

Вот почему так подробно пришлось рассказать о моей памяти».

А чего стоит рассказ «Пончики», где перед нами ироничной, но нравственной глыбой возвышается совершенно незнакомый доселе И. Л. Деген.

Он многолик, многогранен, и каждая грань его таланта буквально играет, словно грани хорошо отшлифованного алмаза на свету. Мы читаем его «Родословную» и словно попадаем в руки совершенно другого, но всё также близко знакомого Дегена, написавшего это трепетное произведение в совершенно новой, неожиданной манере. Все его произведения высоко духовны, он волнующе и очень тонко приближает наше сознание к происходящему на полотне стихотворения или рассказа. Мы словно сами находимся в атакующем и горящем танке, это нам на пропылённую гимнастёрку вешают медаль «За отвагу» ...

Урок мужества – в стихах и немного в прозе

Ещё лет пять назад меня несколько раз приглашали выступать перед школьниками 8-х – 9-х классов накануне Дня Победы. Я отказывался, объясняя, что этим должны заниматься ветераны войны, а я не имею морального права, т.к. мне в 45-м было всего девять лет. Но меня убеждали – ветеранов в таком состоянии, чтобы мальчишки и девчонки их с интересом слушали, уже практически нет, а рассказывать НАДО. А это слово всегда для меня много значило.

И я решил читать ребятам стихи о войне. Это было рискованно – будут ли современные школьники воспринимать поэзию? Девочки – возможно, но такая тематика явно не для них. А мальчики навряд ли вообще заинтересуются стихами. Тем не менее пошёл. Объяснил ребятам, собравшимся в школьном зале, что я не ветеран войны, сообщил о своём возрасте. Коротко на базе своих воспоминаний рассказал об Одессе в 41-м, о бомбардировках, о тёплых рваных осколках авиабомб на тротуаре, об эвакуации на пароходе. Вроде бы слушали, даже вопросы задавали; потом чувствую, что теряю контакт. Прочитал Симонова («Я не помню, сутки или десять мы не спим, теряя счёт ночам...»), затем что-то ещё – опять зыбкий контакт на грани потери.

И тут я начал рассказывать им об окончившем 9-й класс мальчишке по имени Ион Деген, ровеснике многих из них – как он, когда в их город уже рвались немцы, собрал из таких же пацанов целый взвод – 31 человек, среди которых было много его одноклассников, как им дали оружие. Прочитал написанное об этом через много лет самим Дегеном:

«Похоже, уже начинался бардак, связанный с поспешным отступлением, и в штабе оставался только один-единственный капитан, который и встретил нас, готовых воевать. Ребята продемонстрировали, что они не зря проходили военную подготовку в школе. Нам выдали каждому по карабину, 100 патронов и 4 гранаты и зачислили в истребительный батальон».

В свои шестнадцать, – продолжаю я, – Ион стал командиром взвода и оказался на передовой. Воспитанный на патриотических лозунгах мальчишка не мог понять, что происходит, почему наши войска отступают и даже бегут...

Вот одно из первых стихотворений Дегена, написанное в июле 1941г.:

Девятый класс окончен лишь вчера.

Окончу ли когда-нибудь десятый?
Каникулы – счастливая пора.
И вдруг – траншея, карабин, гранаты,
И над рекой дотла сгоревший дом,
Сосед по парте навсегда потерян.
Я путаюсь беспомощно во всём,
Что невозможно школьной меркой мерить.

Тут я сразу почувствовал интерес – ребята стали отождествлять себя со своим ровесником, и для них уже не так важно, что описываемые события были более 70-ти лет назад.

Далее рассказываю о фронтовой судьбе Иона – командир танка, командир танкового взвода... Мне это было немного проще, чем другим, т.к. на военной кафедре института я получил именно эту специальность. Приходилось несколько раз водить тот самый грохочущий Т-34, о котором писал Деген, изо всех сил тянуть на себя его очень тугие рычаги управления, сидеть в тесной башне, стрелять из его орудия. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с участием в войне, но представить себе помогло:

Осколками исхлестаны осины.
Снарядами растерзаны снега.
А все-таки в январской яркой сини
Покрыты позолотой облака.
А все-таки не баталист, а лирик
В моей душе, и в сердце и в мозгу.
Я даже в тесном Т-34
Не восторгаться жизнью не могу.
Так хорошо в день ясный и погожий,
Так много теплой ласки у меня,
Что бархатистой юной женской кожей
Мне кажется шершавая броня.
Чтобы царила доброта на свете,
Чтоб нежности в душе не убывать,
Я еду в бой, запрятав чувства эти,
Безжалостно сжигать и убивать.
И меркнет день. И нет небесной сини.
И неизвестность в логове врага.
Осколками исхлестаны осины.
Снарядами растерзаны снега.

Сказать, что у мальчишек загорелись глаза – это ничего не сказать. А девочки так отреагировали на «бархатистую юную женскую кожу» и «нежность в душе» семнадцатилетнего воина, что давно перестали шушукаться. В зале звенящая тишина. Ребята увлечены эмоциями, нужно возвращать их на землю. Теперь уже можно было и продолжать рассказывать, будут жадно слушать. Говорю, что стихи этот вчерашний школьник писал в перерывах между боями, каждый из которых чудом не становился для него последним. Рассказываю, какие страшные потери несло поколение Дегена, привожу потрясшие много лет назад меня самого цифры: из воевавших 17–19-летних выжили только несколько процентов. Ребята не в состоянии это оценить, статистика в их души не попадает, нужна конкретика. Тогда читаю:

На фронте не сойдешь с ума едва ли,
Не научившись сразу забывать.
Мы из подбитых танков выгребали
Всё, что в могилу можно закопать.

И тут кто-то из ребят спрашивает: «И как они не боялись?»
– Боялись, – говорю, – очень боялись. Они ведь живые люди, да ещё и такие молодые, почти ничего в жизни не успевшие испытать. Храбрость – это не отсутствие страха, так не бывает. Отважный человек – тот, кто может заставить себя преодолеть страх.
Послушайте, как честно и откровенно писал об этом сам Ион Деген:

Зияет в толстой лобовой броне
Дыра, насквозь прошитая болванкой.
Мы ко всему привыкли на войне.
И всё же возле замершего танка
Молю судьбу: когда прикажут в бой,
Когда взлетит ракета, смерти сваха.
Не видеть даже в мыслях пред собой
Из этой дырки хлещущего страха.

Говорю, что потери в танковых войсках были очень велики. Ребята не совсем понимают и спрашивают: «Почему? Ведь танк бронированный, а пехота идёт в бой ничем не защищённой, там должны погибать больше!» Объясняю, что при попадании противотанкового снаряда танк горит, как свечка – не воспринимают. Тогда читаю:

...И думаешь, что завтра, может быть,
Ты не увидишь нежной паутины,
Кровавых ягод зябнущей калины,
Что экипажу остается жить
До первого снаряда или мины...

Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
«Помилуй, пронеси и сохрани» ...

Ребята замирают.

Ион Деген, – продолжаю я, – описал то, что с ним происходило, в рассказе «Командир взвода разведки»:

«Каждая из шести секунд, в течение которых ещё был какой-то шанс выскочить из горящего танка, казалась ему вечностью. Попытался поднять крышку люка, но она не открывалась. Наверное, истекли эти шесть спасительных секунд. Дым горячей газойли сдавил горло...

А дальше? Был он ещё жив? Или это привиделось ему уже после смерти? На фоне лёгкой августовской тучки появилась голова ангела. Он открыл глаза. Ангел сидел рядом с ним, лежащим на траве метрах в тридцати от горящего танка.

Ангелом оказалась невысокого роста красивая девушка с погонами младшего лейтенанта. Тонкую талию перетягивал ремень с пистолетом и подсумком с гранатами. У ног на траве автомат. Он не мог понять, каким образом оказался тут. Неужели эта маленькая девушка смогла извлечь из башни больше семидесяти килограммов живого

веса? А дальше? Как спустить эти килограммы с высоты двух с половиной метров? Как оттащить от горящего танка?»

Ангела-спасителя звали Марина Парфёнова. Она была командиром взвода разведки. Представьте себе – девушка в этой роли!

При малейшей возможности Ион и Марина начали встречаться. Однажды он принёс ей три красных георгина, срезанных в разбитой теплице. С цветами девушке в дыму и огне передовой – какой это был для неё праздник!

Они говорили и говорили и не могли наговориться. А расставаясь, отчаянно смелый в бою Ион не осмеливался даже обнять девушку, не то, чтобы поцеловать. Он просто пожимал её руку, как пожал бы своему товарищу.

Не отрывая глаз от лиц ребят, я продолжал читать – уже в полной уверенности, что они всё поймут:

Багряный лист прилипает к башне.

Ручьем за ворот течет вода.

Сегодня так же, как день вчерашний,

Из жизни вычеркнут навсегда.

Изъят из юности.

В личном деле

За три обычных его зачтут –

За злость атак,

За дождей недели

И за несбывшуюся мечту

О той единственной,

Ясноглазой,

О сладкой муке тревожных снов,

О ней, не виденной мной ни разу,

Моих не слышавшей лучших слов.

И снова день на войне постылый,

Дающий выслугу мне втройне.

Я жив.

Я жду с неделимой силой

Любви, утроенной на войне.

...Мы не успели нежностью согреть

Ни наших продолжений нерождённых,

Ни ту, что нынче может овдоветь.

Мы не успели...

Теперь можно было, не опасаясь потери контакта с аудиторией, обращать внимание ребят на то, как молодой поэт, почти их ровесник, описывает природу – и во время чтения вижу восхищение, которого, почти уверен, не было бы при слушании стихов без такой эмоциональной подготовки:

Орудия посеребрило инеем.

Под гусеницей золотой ковер.

Дрожит лесов каемка бледносиняя

Вокруг чужих испуганных озер...

...Вербá косички распустила русые,

Совсем как дома над моей рекой.

...На черных ветках,

Оголенных, тощих,
Холодные цепочки крупных слез.

Береза, на прощанье помаши нам
Спокойно серебрящейся листвой...
...И, может быть, когда-нибудь, береза,
Ещё вернусь к поэзии твоей.

Дымом всё небо закрыли гранаты,
А солнце блеснёт на мгновение в просвете
Так робко, как будто оно виновато
В том, что творится на бедной планете.

Молодой лейтенант никогда не шёл на компромиссы. Осенью 44-го танковую бригаду, где воевал Деген, ненадолго отвели в тыл, и его батальон временно расположили в роскошном немецком имении. Там Ион увидел картину, которую один из офицеров, знаток живописи, узнал – это была «Мадонна с младенцем» классика итальянской живописи середины XV в. Сандро Боттичелли. Деген забрал её в землянку, повесил на влажную стенку и написал:

В имении, оставленном врагами,
Среди картин, среди старинных рам,
С холста в тяжёлой золочёной раме
Мадонна тихо улыбалась нам.
Я перед нею снял свой шлем ребристый,
Молитвенно прижал его к груди.
Боями озверённые танкисты
Забыли вдруг, что ждёт их впереди.
Лишь о тепле, о нежном женском теле,
О мире каждый в этот миг мечтал.
Для этого, наверно, Боттичелли
Мадонну светлоликую создал.

Но нагрянувший с проверкой дородный полковник из политуправления фронта принял картину за икону. Задыхаясь от гнева, он разрезал полотно финкой, а когда офицеры посмели возражать, выхватил пистолет. Возмущённые танкисты с активным участием Дегена забрали у политотдельца оружие и скрутили его телефонным проводом (им нечего было терять – завтра в атаку, из которой вполне можно не вернуться). А ведь многие проявлявшие храбрость в атаке терялись перед особистами и политотдельцами. Свой последний бой, – продолжал я, – Деген принял в Восточной Пруссии 20 января 1945г. Из 65 танков гвардейской танковой бригады остались в строю только шесть. К ним были приданы два танка другого танкового полка и 4 самоходных орудия. Из этих 12 машин была сформирована рота прорыва, командиром которой назначили комвзвода Дегена, известного своим бесстрашием и отчаянным характером. По сути, участники этого боя были смертниками.

За дерзкую боевую операцию этой роты, повлиявшую на результат боя, командующий 3-м украинским фронтом генерал армии Черняховский приказал представить гвардии лейтенанта Дегена к званию Героя Советского Союза. Это было уже второе такое представление. К сожалению, сам генерал через месяц погиб. Деген вторично вместо

звезды Героя получил орден Отечественной войны; правда, на этот раз – первой степени.

В том страшном бою Ион выжил чудом. Потерявшего сознание лейтенанта с множественными травмами нашли и доставили в госпиталь. Врачи совершили чудо и вернули его к жизни, но часть ноги пришлось ампутировать.

Юноше, ничего в гражданской жизни не умеющему, не получившему даже полного школьного образования, стать инвалидом было, наверное, очень страшно. Через много лет он писал о себе:

«Мне двадцать лет. Юбилей, как я считал. Я инвалид. Без образования. Без профессии. Не знаю, жива ли мама. Без дома. В госпитале меня сделали наркоманом – вводили пять миллилитров морфина в сутки. Я уже понимал, чем это мне грозит».

Шесть грустных коек...

Скупое светит Одно окно.

Напротив дверь.

В каштанах голых воет ветер –

Холодный ненасытный зверь...

...И хромота... Чернее тучи,

Придавлен болью и тоской.

Считался на войне везучим.

Действительно ли я такой?

Продлится ль цепь моих везений?

Смогу ли на своём пути

Прижать щеку к траве весенней

И, не хромая, жизнь пройти?

Но Деген ещё раз преодолел свои страхи и проявил настоящее мужество. Он решил стать врачом-травматологом, чтобы помогать людям не становиться инвалидами. После долгого лечения двадцатилетний Ион, с трудом перемещаясь на костылях, опираясь на тяжёлый, натирающий до крови культю тяжёлый протез, блестяще сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил в мединститут.

Вступая в непривычную ему гражданскую жизнь, он пытался осмыслить, что он делал, чему научился за четыре года войны:

Я не писал фронтовые стихи

В тихом армейском штабе.

Кровь и безумство военных стихий,

Танки на снежных ухабах

Ритм диктовали.

Врывались в стихи

Рванных шрапнелей медузы.

Смерть караулила встречи мои

С малоприветливой Музой.

Слышал я строф ненаписанных высь,

Танком уютно в траншеи...

Рассказал я ребятам о дальнейшем жизненном пути Дегена-врача и Дегена-человека – пожалуй, не менее героическом, чем на фронте. Чем бы ни занимался потом этот легендарный человек, какие сложные препятствия ни преодолевал, ему никогда не удавалось забыть войну.

Однажды ухмыляющийся директор института, где работал Деген, многопудовый толстяк с заплывшими жиром глазками, спросил у него в присутствии других людей: «А чего это Вы с палкой ходите?» – «Ранение». – «При эвакуации или баловство какое?» – «Нет, в танке, во время атаки». – «На фронте? И у Вас такая куча орденов? Говорят, их можно купить в Ташкенте».

Это был неприкрытый антисемитский намёк. Ион вспыхнул, шагнул к директору, прислонил к столу тяжёлую палку, схватил его левой рукой за рубашку на груди, а правой изо всех сил ударил в лицо: «Я покажу тебе, падло, где и как покупаются ордена!»

Наверное, Деген в этот момент так же не думал о последствиях, как на фронте, мгновенно принимая решение. И это тоже было одним из проявлений безоглядного мужества.

Работая по 10-12 часов в день в обычной больнице, подолгу стоя на протезе у операционного стола, Деген защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Он спасал жизнь и здоровье множеству людей, в 1959г. выполнил данное себе обещание – впервые в мире (!) реплантировал (пришил) киевскому рабочему отрезанную станком руку.

Впоследствии, осмысливая свою жизнь, Деген вновь и вновь возвращался к своему чудесному спасению из страшной мясорубки войны:

Не для покоя Ты меня извлёк
Уже почти убитого из ада.
Я был от понимания далёк,
Что благодарным быть за чудо надо.

О своём первом Дне Победы Деген написал:

Ещё в той гимнастёрке простреленной,
Ещё в каждом рубце ныли нервы,
Но уже, к мирной жизни пристрелянный,
День Победы отпраздновал первый.

А через двадцать лет после окончания войны у Иона Лазаревича родились такие образные и страшные строки:

Всегда придавлен тяжестью двойною –
То, что сейчас, и прошлая беда.
Я весь набальзамирован войною.
Насквозь пропитан.
Прочно.
Навсегда.

Такая обнажённая искренность была свойственна этому отважному человеку в течение всей его непростой жизни.

Вскоре после 90-летнего юбилея Ион Лазаревич тяжело заболел. Даже в этой необычной для него роли больного он оставался самим собой – преодолевал становящиеся нестерпимыми боли и щадил своих близких. Оставался врачом и искал выход из ситуации. Сохранял присутствие духа, иногда даже иронизировал, что в таком состоянии смог бы, мягко говоря, далеко не каждый. Меньше чем за год до смерти Ион Лазаревич прислал мне в своём письме строки, которые невозможно читать без кома в горле и безмерного уважения:

Исход без паники приемлю.
Как часто я бывал к нему готов.
Солдата долг – хоть на земле, хоть в землю,
Без пафоса и без высоких слов.
Воспоминания переполняют.
Душа, как сейф, добро хранит давно...

Ион Лазаревич Деген не считал себя поэтом. Всего за три месяца до ухода из жизни он написал мне: «Продолжается чудо. Даже, преодолевая всё, пытаюсь чирикать вирши.

«И снова чудо. Продолжаю жить.
Что это, наказание, иль награда?..»

Именно так – «чирикать вирши» – он называл своё творчество. Для него звание «поэт» было очень высоким, он считал его для себя недостижимым, и в этом тоже проявлялось мужество Иона Дегена, только иного рода – считать, что ему далеко до настоящих стихотворцев. А много ли таких найдётся среди людей, считающих себя поэтами с намного меньшим основанием, чем этот разносторонне способный человек?

Стихи изящны, как букет.
Метафоры полны звучанья.
Красивы словосочетанья.
А темы нет. И мысли нет.
Стихи, как крестик или гладь
На рукоделии от скуки.
Но если в них пустые звуки,
То стоит ли стихи слагать?

Не претендую в ряд поэтов стать –
По штату не положено мне это.
Предела нет способным рифмовать,
Но только много ль среди них поэтов,
Как в музыке Бетховен или Бах?
И всё-таки порой подобье чуда,
Когда, не мысля даже о стихах,
Услышишь стих, сошедший ниоткуда...

А ведь стихи из «ниоткуда» приходят только к талантливым людям. И Ион Деген не мог не писать – он чувствовал, что сможет искренними стихами рассказать о подвигах своих товарищей, о настоящем мужестве так, как не удастся это профессиональному поэту, который сам не испытал того, что испытали они:

В жару и в стужу, в непролазь осеннюю
Мальчишки гибли, совершая чудо.
Но я, не веря в чудо воскресения,
Строкой посильной воскрешать их буду.
В душе своей не ошибиться клавишей,
Не слишком громко, не надрывно ломко
Рассказывать о них, о не оставивших

Ни формул, ни стихов
И ни потомков.

Он терпеть не мог высоких слов, в особенности в его собственный адрес. «Но мы должны помнить, — сказал я ребятам, — что настоящие герои, как и настоящие поэты, на самом деле этого заслуживают в самой полной мере».

Мало кому удавалось стать таким замечательным примером настоящего мужественного человека, как воин, врач, поэт Ион Лазаревич Деген. Запомните его имя!

Перечитывая заново...
Предыстория одного стихотворения

Поскольку сборник этот посвящен Дегеновским чтениям, я решил подойти к делу в точном соответствии с заявленной целью. То есть буквально – перечитать Дегена, в частности, его, видимо, последнюю книгу, вышедшую в Москве в 2015 году, - «Война никогда не кончается».

Иногда надо перечитывать заново то, что кажется тебе знакомым, - и, как ни странно, удастся открыть что-то новое. Противоречия здесь нет, как и иллюзии: с годами меняешься ты (иногда даже сам того не замечая), меняется время, информационный и эмоциональный фон – и в уже когда-то прочитанном произведении возникают новые нюансы, появляется понимание каких-то ранее не понятых вещей, всплывают какие-то детали, не замеченные, когда читал, увлеченный прежде всего сюжетом...

Так, Ион, оказывается, рассказал, что было триггером для стихотворения, сделавшего его знаменитым, - «Мой товарищ, в смертельной агонии...» Правда, по своей скромности, указывает на это всего одной фразой, что я (и, думаю, не только я) пропустил при первом чтении его рассказа «Нарушитель заповеди». И простительно – рассказ не о том, и он настолько увлекательный, что ничего удивительного, если не обратил внимание на маленькую ремарку.

Рассказ, в принципе, о том, как автор (и он же рассказчик – Деген, в основном, пишет о себе, о том, что с ним произошло, что он пережил) нарушал в военных условиях заповедь «Не укради» - еще до того, как прочитал десять заповедей в оригинале, как изящно подчеркивает он в самом конце рассказа.

В одном из эпизодов Ион описывает бездарно спланированную атаку, в которой танковую роту, в которой он служил, послали практически на убой. Потеряв двоих членов экипажа, он с уцелевшими товарищами успел выскочить из горящего танка, и, спрятавшись в овраге, в ужасе и бессильной злобе наблюдал, как «тигры», пользуясь своим полным преимуществом, легко расправляются с другими. В том числе – как его друг Толя вылетел из танкового люка в одном сапоге – пружина командирского сиденья прижала ногу. Но тоже спасся.

Дальше начинается, можно сказать, чисто бытовая проблема. (В скобках скажу, что вот эти житейские детали фронтового быта, на мой взгляд, и делают военную прозу Дегена такой достоверной и волнующей, - в них сама правда.) У Толи 46-й размер обуви, батальон стоит в лесу, сапог такого размера в запасе нет, и бедняге приходится ходить в одном сапоге, обмотав вторую ногу кусками брезента, и в таком облачении вынужден

утопать в мокрой глине – осень, идут непрерывные дожди, а скоро наступать. Молодые лейтенанты осаждают помпохоза батальона, капитана Барановского, требуя обуть товарища, но тот лишь разводит руками – нету. Но у него тоже 46-й размер. И Деген грозит ему снять с него сапоги, если он не обеспечит ими Толю. Тот уверен, что пацаны не решатся, а Деген лишь взвешивает, справится ли он с ним физически – слишком большой. В конце концов, он подбивает таких же безбашенных товарищей, они втроем вваливаются к интенданту – и силой сдирают с него сапоги. Вот и весь эпизод.

А потом началось зимнее наступление, в котором Толя погиб. Свое знаменитое стихотворение Деген написал еще до этого, оно «почему-то получилось не о сапогах, а о валенках», замечает он. Действительно – неисповедимо, как, почему и какими словами нашептывает поэту Бог. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», - написала как-то Ахматова о них обо всех.

Жизнь после смерти

В сорок четвертом его убили в Восточной Пруссии. Там стоит памятник с именами похороненных танкистов. Пять человек и среди них он - командир экипажа И. Деген. Никто не предполагал, что командир и механик сумели выкарабкаться из горящей машины и уцелеть в той мясорубке. Кто тогда мог заниматься опознанием останков? А у него в запасе оказалось много долгих жизней.

Первая из них - жизнь великого воина. 52-е место в списке советских танкистов-асов говорит само за себя. А, ведь, в этом списке он, чуть ли, не самый младший. Дважды его представляли к высшей награде и оба раза Звезда Героя пролетала мимо. Но он не горевал. Едва отлежавшись после очередного ранения, снова лез в танк. Несколько лет тому назад на презентации фильма «Деген» в Латруне вдруг поднялся седой израильский подполковник и сказал: «Мы учились воевать у вас, советских танкистов». На войне началась и жизнь литератора - он рифмовал какие-то, пришедшие на ум, слова. Получались строки, которые, спустя много лет, войдут в сборник «Стихи из планшета гвардии лейтенанта Иона Дегена» и станут хрестоматийными. А в сорок пятом, передвигаясь на костылях, он прочитал их в ЦДЛ ... и был моментально ошельмован сановными писателями. Литература о войне тогда, да и потом, носила массовый характер, так как создавалась для масс и писала о массе. Единицей измерения был коллектив: армия, полк, батальон, рота. Партия стала мозгом, командование - тонкой связью нервов и мышц, а уже где-то на периферии погибали клеточки - безымянные и безликие. Названия книг и киносценариев отражали героико-эпическое сознание: «Нашествие», «Освобождение», «Битва за Берлин», «За правое дело», «Блокада», «Победа», «Железная сила». Батальоны просили огня, танки шли ромбом, снег был горячим... Грохот, лязг, взрывы, крики - написанное воспринималось на слух. Сквозь эту полифонию поэзия Иона Дегена звучала мелодией пастушьей дудочки, непритязательной и безыскусной. Вечная тема жизни и гибели на поле боя заговорила голосом ни в чем не повинного «маленького» человека, который был приговорен к смерти. Все это явно противоречило генеральной линии.

«Воздух вздрогнул.

Выстрел.

Дым.

На старых деревьях
обрублены сучья.

А я еще жив.

А я неведим.

Случай?»

Стихи «неизвестного фронтовика» расходились в Самиздате (я сам году в восьмидесятом держал в руках отпечатанный на папиросной бумаге листок «Мой товарищ в смертельной агонии... Ты не ранен, ты просто убит... Дай на память сниму с тебя валенки...»), их заучивали наизусть, они открывали читателю мир, впоследствии названный «окопной правдой».

Прошло три четверти века. Что осталось от написанного в 1944 году? Кто вообще помнит имена обвинителей из ЦДЛ, названных Дегеном в сердцах «штабными шлюхами»? А его стихи продолжают оставлять читателя равнодушным. Вот и сегодня, после смерти автора кое-кто вновь пытается навесить на них давно истлевший ярлык «мародерства», называя известные строки «чудовищно кощунственным текстом». Какие яростные споры это вызвало в социальных сетях!

А что большего можно пожелать поэту?

Но он не желал заниматься только нанизыванием слов на рифмы, хотел реального дела. Стал врачом. Это была нелегкая жизнь хирурга-ортопеда. Деген и в ней реализовался полностью. Осваивал методики, оперировал, лечил, консультировал. Переехав в Израиль в возрасте 52 лет, оказался востребованным, и еще два десятилетия проработал по своей специальности. Случай далеко не рядовой. Обсуждая те или иные медицинские вопросы, я не раз убеждался в его широчайшем кругозоре и глубоком понимании самой сути нашей профессии.

Но ему этого было мало. Он хотел жизни исследователя. Защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую. Написал 90 статей. Сказал свое слово в медицинской науке. А в Израиле вдруг увлекся неординарной личностью И.Великовского - врача и психоаналитика, создателя нетрадиционных теорий в области истории, геологии и астрономии, автора мало, кем признаваемой «ревизионистской хронологии». Деген по крупицам собрал материалы о великом ученом и, в конце концов, издал книгу, моментально сметенную с полок книжных магазинов. «Это была моя третья диссертация» - говорил он. Так и было: можно только подивиться - сколько сил и таланта вложено в написание бестселлера «Иммануил Великовский».

А еще жизнь общественного деятеля, патриота. Бог знает, какие процессы происходят в головах людей! Как, к примеру, бывший сталинист и искренний коммунист (по его же собственному признанию) может превратиться в пламенного сиониста? На этот вопрос он не мог ответить, но сходились мы в одном: чтобы почувствовать страну, нужно вращаться в эту землю, в язык, в обычаи, в историю. Наверное, нет в Израиле места, где бы он ни побывал. И все время разговаривал с людьми. Деген не был политкорректным человеком и никогда не скрывал своих «неудобных» взглядов. Хотя, своих оппонентов не считал врагами - скорее, жалел и хотел предостеречь. Посетив Хеврон, он напишет в адрес «пацифистов»: «... Но может на святыню наплевать, Тот, для кого она предмет сатиры, Готовый променять отца и мать. На тень воображаемого мира. «Шалом ахшав!» Слепую. В круговерть. Наивно веря в совесть мировую. Так верили идущие на смерть, Что их ведут помыться в душевую.»

Его яростная «не дипломатичность» вызывала у людей невольное уважение. Ему верили.

Он умел любить. И был окружен любящими людьми: родными, друзьями. И это тоже была целая жизнь.

(Статью Ильи Лиснянского для настоящего сборника прислал 1-го декабря 2020 года Юрий Деген.)

Сегодня ты, а завтра я.
(Ответ Юрию Колкеру)

Недавно вышла новым изданием мемуарная книга Иона Дегена «Из дома рабства». Мое предисловие к ней, опубликованное в «Чайке» (С. Резник. «Проза поэта, врача и солдата»), побудило Юрия Колкера ринуться в бой. Ну, что ж, мы привычные... «Смех и грех!» Так [Юрий Колкер](#) начинает свою «народную войну». Я с ним согласен наполовину. Смеха в его статье полные штаны, а греха никакого нет.

Того, что мною написано о прозе Дегена, г-н Колкер не соизволил заметить – он сконцентрирован на поэзии. Хотя о поэзии Дегена в моем предисловии ничего не сказано. Ничего – кроме напоминания об общеизвестном: «То, что его стихи входят в золотой фонд русской поэзии и считаются лучшими стихами о войне, - хрестоматийная истина».

Тут я и попался.

«Человек, недавно написавший этот вздор, не просто солгал, он облил помоями всю русскую поэзию, от Пушкина до Ахматовой, от Мандельштама до наших дней».

Боже мой! Что же такое я натворил!? Из статьи Юрия Колкера этого не понять, но он приводит ссылки на другие свои шедевры. Там про Иона Дегена все доказано с алгебраической безупречностью. И горе тому, кто в сем усомнится.

Оказывается, г-н Колкер уже десятки лет дубасит поэтическую гармонию Иона Дегена уравниваниями и мнимыми числами, а также извлечением квадратного корня из валенок. Для него это дело жизни. Валенки его душат. Почему бы это? Может быть, он их куда-то не туда приспособил?

Ион Деген надевал валенки на ноги, а Колкер засунул в один из них голову, да так глубоко, что вынуть не может. Ни выдохнуть, ни вдохнуть. И, что всего обиднее, второй валенок зря простаивает.

В стихотворении Иона Дегена «Мой товарищ в смертельной агонии...» с беспримерной силой и лаконизмом показана жуть жесточайшей войны, уже плохо осознаваемая самими участниками. Повседневная гибель друзей для них стала обыденной бытовухой: сегодня ты, а завтра я. Не «Жди меня, и я вернусь, только очень жди» (К. Симонов), не «На поленьях смола, как слеза» (А. Сурков), не Василий Теркин на этом или на том свете (А. Твардовский) ... Деген показал войну такой, какой ее видит промерзший солдат, по счастливой случайности, пока еще не убитый. Пуля-дура просвистела мимо него и сразила товарища. Тот в смертельной агонии отходит в мир иной, спасти его уже невозможно. Остается погреть заочеченные руки «над дымящейся кровью твоей» да снять с остывающего тела драгоценные валенки. Свои-то давно прохудились и хлюпают, а новых, когда еще дождешься, да и дождешься ли.

Мне понятно возмущение Юрия Колкера против такого мародерства. Солдата, погибшего в бою, надо хоронить при полном параде, с почетным караулом и артиллерийским салютом. А тут – валенки стягивают с мертвеца.

... Я помню это стихотворение с тех времен, когда оно еще не было напечатано, расходилось в самиздате, считалось творением погибшего солдата, от которого не осталось даже имени. Всякий раз, когда на него натыкаюсь, испытываю дрожь. Василий Гроссман включил его в свой великий роман, арестованный КГБистскими держимордами. Мне очень жаль Юрия Колкера, которому не дано прочувствовать суровую поэтическую правду этого сжатого восьмистишья. Не дано, значит, не дано: бывает.

«Не стыдно прожить жизнь без стихов. Не стыдно не понимать стихов», говорит Юрий Колкер, с чем я согласен на сто процентов.

«Стыдно делать вид, что понимаешь стихи. Стыдно участвовать в споре о стихах, когда у тебя на уме не стихи», говорит Юрий Колкер, и с этим я согласен даже на двести процентов.

Г-н Колкер мнит себя знатоком поэзии, в чем нет греха: вполне невинное и немного забавное самообольщение. Пушкина и Ахматову он вроде бы почитает, но в том, что их понимает, у меня большие сомнения. Кабы понимал, не поверял бы алгеброй гармонию. Не купался бы в помоях, коими с маниакальным упорством тщится облить Иона Дегена. Да и к «Евтушенкам» относился бы с меньшим высокомерием. Ни барский гнев, ни барская любовь г-на Колкера «Евтушенкам» ничем не грозит. А в какое положение барин ставит самого себя, - об этом пусть судят читатели.

Восьмистишье Иона Дегена:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.
Ион Деген. 1944

О поэте Ионе Дегене

Ион Деген един во многих лицах, но широкой публике он стал известен как поэт, написавший стих «Мой товарищ, в смертельной агонии...». Два четверостишия, поначалу без имени автора, якобы убитого на войне, переписывались и передавались друг другу. Их цитировали писатели и поэты, и в итоге они появились, уже с именем автора, в антологии Евгения Евтушенко «Строфы века». Откликами на этот стих полон нынешний Интернет. Они во всём диапазоне – от признания его гениальным до полного неприятия, вплоть до обвинения автора в мародёрстве. Напомню вам этот короткий стих:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучшие согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

У меня эти строчки вызвали ощущение жуткой правды о войне, которую может рассказать только её участник, когда критерии мирного времени не работают, когда притупляется нормальное человеческое отношение к трагедии смерти. Смерть становится обыденной повседневностью. Тебя сегодня убили, меня завтра убьют. А пока дай мне свои валенки. Тебе-то они больше не нужны, а мне они очень даже сгодятся в завтрашнем наступлении. А погибну, пусть и с меня их кто-нибудь снимет. На вопрос, как родился этот стих, Ион ответил, что этого не было на самом деле. Может быть, отдалённо с этим стихом связана история с сапогами. Его друг, выбираясь из подбитого танка, потерял один сапог и долгое время ходил – одна нога в сапоге, другая в обмотке. Устав ждать новые сапоги, они решили, выпив для смелости, снять сапоги со своего командира. Один держал, другой снимал. Командир грозил трибуналом, но сменил гнев на милость, а на следующий день получил для себя новые сапоги.

Этот случай навевал или воображение подсказало, не так уж и важно. Важно то, что получился стих исключительного эмоционального воздействия и на друзей и не недругов.

Стих «Мой товарищ...» был написан в декабре 1944 г., за месяц до тяжелейшего ранения, после которого Ион чудом остался жив. А за два года до этого, в октябре 1942 г. Ион написал четыре строчки, которые он сам оценивал более высоко, чем те, которые принесли ему известность.

Воздух вздрогнул.

Выстрел.

Дым.

На старых деревьях обрублены сучья.

А я ещё жив.

А я невредим.

Случай?

Вот это было реально. Ион сидел под деревом, когда над ним пролетели осколки, срезав ветки. На волосок от гибели. Случай с вопросом – это восклицательный знак в конце строчек. В такие минуты начинаешь думать о судьбе. И жизнь не раз заставляла Иона благодарить своего ангела-хранителя.

Вчерашний школьник, в 16 лет оказавшийся в пекле войны, трижды раненный, погибавший и воскресавший, Ион Деген в своём офицерском планшете имел тетрадь, в которую записывал свои стихотворные строчки.

Июлем 1941 г. датирован стих, который так и называется «Начало». Июль – счастливое время летних каникул, а тут

Девятый класс окончен лишь вчера.

Окончу ли когда-нибудь десятый?

Каникулы – счастливая пора,

И вдруг траншеи, карабин, гранаты.

А дальше ещё школьные образы. «Небо голубело, как новенькая школьная тетрадь», «Облако сверкало белизной, как без чернил «невыливайка». (Молодому читателю приходится объяснить, что школьники в то время писали перьевыми ручками, обмакивая их в чернила, а чернильницы имели такую форму, чтобы чернила не выливались при опрокидывании.)

В конце стиха «...пальцем с фиолетовым пятном, ещё не смытым следом от контрольной, нажат курок...» Как это точно, как это страшно и сколько в этом трагедии времени!

Ровно через год, в июле 1942 г. Ион добавил в тетрадь четыре строчки, которые считаю одними из лучших в его поэтическом творчестве.

Чего-то волосы под каской шевелятся?

Должно быть, ветер каску продувает.

Скорее бы до бруствера добраться

И прихвастнуть, что страшно не бывает.

Лучше не скажешь о естественном человеческом страхе смерти, с юмором и самоиронией, с желанием скрыть этот страх, чтобы не показаться трусом, с каской и бруствером, означающими войну.

Перечитываю стихи из планшета, и возникает желание цитировать их и цитировать.

*Всё у меня не по уставу.
За пазухой гармошка карты,
Хоть место для неё в планшете.
Но занят мой планшет стихами,
Увы, ненужными в бою.*

В бою да, в этом же стихе строчки:

*...Не занимаемся пленением:
Убитый враг – оно верней.*

А после боя?

*...Берёза незатейливые строки
Писать меня, несмелого, звала.
...
Но я пройду сквозь пушечные грозы,
Сквозь кровь и грязь и тысячи смертей.
И может быть, когда-нибудь, берёза,
Ещё вернусь к поэзии твоей.*

А как в 19 лет, какая бы ни была война, не написать о любви, и Ион в стихе пишет про «несбывшуюся мечту»

*О той единственной,
Ясноглазой,
О сладкой муке тревожных снов,
О ней, не виденной мной ни разу,
Моих не слышавшей лучших слов.
И снова день на войне постылый,
Дающий выслугу мне втройне.
Я жив.
Я жду с неделимой силой
Любви, утроенной на войне.*

Напомню, что день на фронте в рабочем стаже засчитывался за три.

Ещё один пронзительный стих о нежности и любви, написанный в ноябре 1944 г., не могу не привести целиком.

*Туман.
А нам идти в атаку.
Противна водка.
Шутка не остра.
Бездомную озябшую собаку
Мы кормим у потухшего костра.*

*Мы нежность отдаём с неслышным стоном.
Мы не успели нежностью согреть
Ни наших продолжений не рождённых,*

Ни ту, что нынче может овдоветь.

*Мы не успели.
День встаёт над рощей.
Атаки ждут машины меж берёз.
На чёрных ветках,
Оголённых,
Тощих,
Холодные цепочки крупных слёз.*

Всё сказано. Ни убавить, ни прибавить. Остаётся только помолчать и склонить голову. Во многих строчках из планшета звучит тема ещё не состоявшейся жизни.

*...Сколько будет за всплеском ракеты,
Посылающей танки в бой,
Недолюблено, недопето,
Недожито мной и тобой.*

За несколько дней до последнего рокового боя в январе 1945 г. Ион написал:

*...Чтобы царила доброта на свете,
Чтоб нежности в душе не убывать,
Я еду в бой, запрятав чувства эти,
Безжалостно сжигать и убивать.*

*И меркнет день. И нет небесной сини.
И неизвестность в логове врага.
Осколками исхлёстаны осины.
Снарядами растерзаны снега.*

Всё в этих строчках – и юношеский наив, и вера в правое дело, и война, не щадящая ни людей, ни природу.

Стихов из планшета вполне достаточно, чтобы говорить о талантливом поэте Ионе Дегене. Поэтому неудивительно, что в конце 45-го Ион попал на литературную встречу в будущий ЦДЛ, которую вёл не кто-нибудь, а Константин Симонов. Молодённый лейтенант, опирающийся на костыли, среди других стихов прочитал строчки:

*...За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.
Но главное, мы выжили с тобой.
А правда что? Ведь так оно ведётся.*

Что тут началось. На самого Сталина руку поднял! На какого Сталина? Для него Сталин был непогрешимым и гениальным вождём, а полководцем разве что полковник, командир их танковой бригады. Выручил Симонов, защитив начинающего поэта, который, по его словам, сидя в танке, и генералов-то вряд ли видел. Долго после этого Ион никому не читал своих стихов. Только несколько самых близких ему людей знали, что он их пишет.

А Ион писал стихи, и когда стал выдающимся врачом-ортопедом, и когда сменил советское гражданство на израильское, и когда стал автором потрясающих по силе правды рассказов о войне – одним словом, поэзия не оставляла его всю жизнь.

Однажды в больнице во время дежурства Ион рискнул прочитать коллеге только что написанный стих. «Ночь в канун Первомаю». В нём Ион разговаривает с украшенной к Первомаю улицей, много повидавшей на своём веку. Её топтала конница и танки срывали мостовую. Она видела погромы и слышала революционные марши.

*Улица, скажи мне, ты запомнила?
Люди, к сожалению, забывают.
Забывают светлое и тёмное.
Забывают, как оно бывает.*

И чуть дальше:

*Улица гирляндами увенчана,
Но беда кричит в её наряде.
Разве может плачущая женщина
Спрятать горе в пудре и в помаде?*

А может, это всё в прошлом, и не стоит об этом вспоминать в канун праздника? Почему же Иону не по себе:

*Тесно так и так чего-то трудно мне
На твоих просторных тротуарах.*

И тут возникают строчки, в которых с поэтической глубиной отразилась сегодняшняя жизнь улицы, отразилось Время:

*Истрадалась улица топтанием
Робких и запуганных прохожих...*

Как не увидеть за этой улицей всю страну. И время мирное, а тесно и трудно. О двойной тяжести и такие исповедальные строчки:

*...Всегда придавлен тяжестью двойною:
То, что сейчас,
И прошлая беда.
Я весь набальзамирован войною.
Насквозь пропитан.
Прочно.
Навсегда.*

Строчка «Я весь набальзамирован войною» дала название книге рассказов и стихов Иона Дегена.

Ион очень не любил славословий. Его, как героя войны, каждый раз приглашали в День победы для вручения очередной юбилейной медали. А он, проживший долгую и трудную жизнь, прошедший через утрату веры в свои юношеские идеалы, но остающийся честным и искренним, пишет об очередной награде не со слащавой благодарностью, а с горечью.

*Привычно потокой пролиты речи.
Во рту оскомина от слов елейных.
По-царскм нам на сгорбленные плечи*

Добавлен груз медалей юбилейных.

*Торжественно, так приторно-слащаво,
Аж по щекам из глаз струится влага.
И думаешь, зачем им наша слава?
На кой... им наша бывшая отвага?*

*Безмолвно время мудро и устало
С трудом рубцует раны, но не беды.
На пиджаке в коллекции металла
Ещё одна медаль ко Дню Победы.*

*А было время, радовался грузу
И боль потерь превозмогая горько,
Кричал «Служу Советскому Союзу!»,
Когда винтили орден к гимнастёрке.*

*Сейчас всё гладко, как поверхность хляби.
Равны в пределах нынешней морали
И те, кто блядовали в дальнем штабе,
И те, кто в танках заживо сгорали.*

Что тут скажешь? Опять же – не убавить, не прибавить.
Когда Иону шёл девяносто второй год, на него нагрянула тяжёлая и неизлечимая
болезнь. И вот получаю от него «Емелю» со строчками:

*Во мне нахально хулиганит тумор.
И так как я пока ещё не умер,
Сильнее тумора еврейский юмор.
Он даже обезболивать умеет.
Открытым текстом сказано еврею
О том, что срочно ожидаем там.
Облегчить чтоб труды гробовщикам,
Сейчас катастрофически худею.
Одно лишь не могу исправить жлобство,
Любимым причиняю неудобство.*

Эти строчки не претендуют на поэтическое совершенство и взяты из личной переписки, но я не мог их не процитировать. Многие ли способны в таком положении с таким юмором и самоиронией посмотреть на себя со стороны?!

Последний раз мы встретились с Ионом незадолго до его ухода. Мои глупые попытки ободрить его он прервал: «Кончай... Всему раньше или позже приходит конец. Нынче моя очередь. Помнишь мою «Молитву»?

*За всё, Господь, благодарю,
За радости и за страдания,
За точно по календарю
Цветение и увядание...
И многое «за что» заканчивалось словами:
...За то, что всюду в час любой
Вокруг меня родные лица.*

*За то, что говорю с Тобой
Я, не наученный молиться.
За звонкий золотой закат,
За день, что не напрасно прожит.
За радость бытия стократ
Спасибо, мой великий Боже!*

Много хороших стихов написал Ион Деген. Но его поэтический взлёт – это всё же стихи из лейтенантского планшета.

*Стихи мои в боях рождались сходу,
Как тень, намёк, реальности отсвет.
Всё то, что пережил в четыре года,
Не описать в четыре сотни лет.*

О стихотворении И. Л. Дегена «мой товарищ в смертельной агонии»

Граждане бывшего Советского Союза, пережившие Великую Отечественную войну, обладают особой ментальностью. В первую очередь это относится к участникам войны, но в немалой степени и к тем, кого война застала в детском возрасте. Ужасы войны и бедствия послевоенного периода навсегда запечатлены в сознании людей этих поколений. Из года в год они возвращаются к осмыслению событий тех лет и каждое новое свидетельство очевидцев – писателей, поэтов, кинематографистов, драматургов, историков – воспринимается ими с особым вниманием и пристрастием.

В обильной почте, ежедневно доставляемой мне интернетом, часто приходит поразительная информация об Ионе Лазаревиче Дегене. Этот человек действительно заслуживает самого высокого уважения. В июне 1941 года он, шестнадцатилетний, едва закончив девятый класс школы, добровольцем вступил в истребительный батальон, сражался, выходил из окружения, воевал в пехотных частях, был разведчиком, окончил танковое училище, командовал экипажем танка, потом танковой ротой. Гвардии лейтенант. Его танк уничтожил 16 единиц вражеской бронетехники, включая самые новые немецкие танки и самоходные орудия. Награждён орденами и медалями, дважды был представлен к званию Герой Советского Союза (но не получил). Несколько раз был ранен. Вследствие тяжелейшего ранения в конце войны стал инвалидом. После войны окончил медицинский институт. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Ему принадлежат многочисленные медицинские публикации и ряд новых хирургических методик. В 1977 году эмигрировал в Израиль, где продолжал работать ортопедом-травматологом. Автор большого количества стихов и других литературных произведений.

Каждое письмо о И. Л. Дегене содержало короткое стихотворение, написанное им в 1944 году, особенно высоко ценимое авторами этих писем и вызывающее у них подчёркнутое восхищение. Ниже привожу его полностью.

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.

У меня первое прочтение этого стихотворения вызвало ощущение сильного душевного неблагополучия, можно сказать, ошеломления, усиливающегося с каждым новым письмом. Пытаясь разобраться в столь сильном ощущении, после долгих размышлений я решил примерить этот стих на себя. Как говорится, не дай бог, но попробуйте и вы представить себя в такой ситуации.

Страшный мороз военной зимы. Осколок шального снаряда разорвал амуницию, вспорол живот и часть грудной клетки. От ужасной боли перехватило дыхание, нет сил стонать, на глазах выступили тотчас же замёрзшие слёзы. Я ещё жив, но, без сомнения, не жилец. Тащить меня несколько километров в медсанбат под настильным огнём противника по глубокому, по пояс, снегу невозможно, да и не успеть. Рядом мой друг. С ним мы в боях с сорок первого. Только вчера в траншее спиной к спине отбивались от рослых, умелых в бою и напористых немецких солдат. И вот он, деловито согрел руки над моей, парящей на морозе раной, стаскивает с меня, ещё живого, валенки. С замёрзшего трупа снимать их труднее. Валенки ему нужны. Предстоит наступление, а его валенки истоптаны до дыр, изрезаны колючей проволокой. И тут, заметив в моих глазах какое-то движение, он не то утешает меня, не то объясняет мне свой поступок: «Ты не плачь, ты не маленький. Ты не ранен, ты просто убит...».

[Е.А.Евтушенко](#) назвал стих Дегена гениальным, ошеломляющим по жестокой силе правды. От прошедших войну людей мне, много лет работавшему хирургом в военных госпиталях, приходилось многократно слышать иную информацию. Раненый из-за потери крови много тяжелее переносит холод, тем более, мороз. Зная это, друзья-соратники сразу же старались укутать раненого товарища, в первую очередь его ноги, снимая с себя полушубки, ватники, фуфайки. Возможно, Евгений Александрович увидел однозначную правду в стихотворении Дегена, опираясь на информацию из каких-то других источников.

Это стихотворение было написано в 1944 году. В свои девятнадцать лет солдат Деген испытал столько, сколько многим не выпадает за всю жизнь, и научился зорко видеть действительность. Суть в анализе и оценке этой действительности. Давайте определимся, что хотел сказать своим стихотворением автор, как и какие исторические и моральные проблемы затронуты им в этом произведении. Очевидно, в стихе изображён конкретный эпизод страшной войны, обрушившейся на страну. Но, раздумывая над словами Евтушенко, мне представляется, что, желая показать без прикрас суровую и жуткую, калечащую нравственно и физически правду войны, Деген намеренно рассказал, как огрубевший в постоянной смертельной опасности человек черствеет и становится мародёром, способным, оправдывая целесообразностью свою беспардонность, усугубить страдания умирающего соратника, сняв с него валенки на жгучем морозе.

Лексический анализ стихотворения подтверждает этот вывод. «Ты не плачь, ты не маленький» – так мужчине не скажут. Тонкий стилист Деген даёт понять читателю, что смертельно ранен несовершеннолетний, вчерашний школьник, может быть даже подросток, воюющий в Красной Армии. Так он несколькими словами подводит читателя к размышлениям о реальной картине страшных потерь людского состава, вынудивших Советскую власть, начиная с осени 1943 года, в качестве добровольцев привлекать в Вооружённые силы шестнадцати-семнадцатилетних мальчишек. Напомню, что сам Деген начал воевать в шестнадцатилетнем возрасте.

Далее... Если бы Деген написал (заметьте, это нисколько не нарушает ритм и стопность стиха): нам в атаку идти предстоит, то было бы ясно, что бой должен начаться в самые

ближайшие минуты. Это как-то объясняло бы срочность изъятия валенок у агонизирующего бойца. Другое дело – «нам ещё наступать предстоит». То есть боевые действия могут начаться не ранее нескольких часов, или завтра, или через неделю... Иными словами: автор стихотворения недвусмысленно дал понять, что не было никакой срочной необходимости снимать валенки с умирающего подростка.

Идеологические и нравственные представления советского руководства и населения страны военного и ближайшего послевоенного времени показательно передают слова песни Булата Окуджавы «Нам нужна одна победа... Мы за ценой не постоим». Именно поэтому до сих пор полностью не учтены людские потери минувшей войны. Именно поэтому юные поисковики из года в год разыскивают безымянные захоронения советских бойцов.

В войне с фашистской Германией решался вопрос о существовании Советского Союза. Поэтому нужна была победа и только победа. В эти страшные годы власти не думали о том, кто будет восстанавливать страну после войны. Победу добывали невероятной ценой не только потому, что враг был силён, прекрасно экипирован и хорошо обучен военному искусству, но и потому, что политические и военные руководители СССР не стояли и не собирались стоять за ценой победы и всячески внедряли это в сознание населения страны. Солдат в стране Советов становился разменной монетой, брошенной в оплату победы любой ценой. Так брались атаками в лоб вражеские укрепления, так гибли тысячи бойцов в отвлекающих наступлениях, так живыми людьми проводили разминирование нейтральной полосы перед танковым броском, так совершались многие другие воинские преступления, оставшиеся безнаказанными.

Содрать валенки с умирающего, но ещё живого – всё равно скоро помрёт! – становилось психологически возможным и оправдываемым целесообразностью делом. Чудовищную жестокость ситуации в стихотворении Дегена прецизионно подчёркивает и усугубляет ненавязчиво высказанное уточнение, что умирает раздеваемый на морозе подросток, по сути – мальчишка, которому осталось жить считанные минуты. И если проявление мародёрства в начале 1944-го года было ещё единичным, поразившим сознание автора стиха явлением, то уже в следующем, 1945-м году, на территориях, куда с боями входила Красная Армия, повальное мародёрство и массовое изнасилование стало обыденным явлением. Так нашло своё воплощение в жизнь пророческое стихотворение И. Л. Дегена.

Марк Аврутин

О взглядах Дегена

«немец, француз, и швед, и грек -
равно не любят вас.
А если Европа вам не указ,
то под сводом иных небес
точно так же не любят вас
индиец, араб и перс».
Наум Басовский

Что мы знаем о Дегене: во время войны – танковый ас и один из самых ярких представителей «окопной поэзии»; после войны – хирург-виртуоз, ученый-исследователь, автор почти сотни научных работ и опять же – поэт и писатель. А в декабре 2014 года он был официально удостоен титула «человек-легенда», что было подкреплено вручением ему премии «скрипач на крыше» в номинации «человек-легенда». Но ещё раньше в Англии, куда он был направлен на годовое поминовение воинов, погибших в боях с нацизмом, раввин признал в нём талмудиста. Из контекста можно было понять, что раввин имел в виду не только глубокие познания Дегена в иудаизме, и даже не столько их, сколько его склонность к толкованию, осмыслению происходящего, то есть, пользуясь более привычной терминологией, его философские способности. Вот им-то и будет посвящена эта заметка.

Этапы большого пути: пионер, комсомолец, железобетонный коммунист, сионист.

Иону было три года, когда умер отец. Маме Иона было 29, и она больше не вышла замуж. Её дипломы медицинской сестры и фармацевта оказались никому не нужными. Долго она не могла найти вообще никакую работу. Наконец, ей удалось устроиться чернорабочей на плодоовощной завод. Работа была очень тяжелая, да ещё в три смены. И вся жизнь её была очень трудной, тем не менее, она до конца жизни оставалась преданной советской власти и фанатично верила в идеи коммунизма.

Все родственники со стороны отца порвали с ним связь, когда он совершил столь легкомысленный по их понятию поступок — женился на девушке, которая была на тридцать шесть лет моложе его. И после смерти отца никто из его многочисленной родни не поддерживал связи ни с мамой Иона, ни с ним. Никто не мог ему помочь разобраться в том, что происходило в стране, впрочем, это было совсем не безопасно. Поэтому Ион свято верил всему, о чем писали газеты: и тому, что три маршала из пяти - враги народа. И тому, что Гамарник, и Якир, которых он сам не так давно видел, вдруг стали врагами народа. С яростью разрывал и выбрасывал он обложки тетрадей с портретами этих врагов народа...

Всё его поколение воспитывалось в духе милитаризма: военные игры, военные песни, военные кинофильмы. Поэтому была обычной тяга ребят в военные училища. Ион был частым гостем на заставе, расположенной на берегу Днестра недалеко от его дома, стал своим в семье пограничников, и считал себя чекистом.

Как только Иону исполнилось пятнадцать лет, он стал комсомольцем. С трепетом рассматривал врученный ему комсомольский билет с нелепой фотографией остриженного под машинку мальчишки! Ион навсегда запомнил номер своего билета. На фронте во всех подразделениях он был самым молодым. Под его командой уже были коммунисты, а он ещё оставался комсомольцем. Но, наконец, настал счастливый

момент, когда на партийном собрании батальона парторг вручил ему партбилет. Деген был убежден, что коммунист должен быть всегда впереди. Но уже тогда у него иногда возникали сомнения, все ли коммунисты всегда впереди?

Поиски ответа: зачем Он спас меня?

Главный раввин Холона Мордехай Нахимовский в интервью, которое он дал израильскому журналисту Петру Люкимсону, назвал огромное число неверующих евреев - репатриантов из Советского Союза, свалившихся на Израиль, «замороженным мясом». Они на протяжении десятилетий ничего не знали об иудаизме и о своем еврействе. Рав посоветовал подождать, - результат «разморозки» может многих поразить. Дегена нельзя отнести к «замороженному мясу» - он задолго до совершения алии пришел к убеждению, что многие вещи нельзя объяснить обычными земными категориями. Он пытался найти ответ на более сложный вопрос.

Последнее ранение Дегена 21 января 1945 года было признано несовместимым с жизнью самым большим авторитетом – Главным хирургом Красной армии, акад. Бурденко, а Ион остался жив. Да, несомненно, — это участие Всевышнего. В госпитале, лежа неподвижно закованным в гипс, Ион пытался разгадать замысел Творца. К какой Он его готовил миссии и почему подверг таким страданиям?

И вот к чему он пришел: столь профессионально убивавший на войне, он должен теперь стать врачом и ещё более профессионально возвращать людям здоровье. А настоящим врачом, Врачом с большой буквы, нельзя стать, если у тебя отсутствует самое необходимое врачу качество — сострадание. Можно быть очень хорошим специалистом, но не врачом. Без этого качества и гений не может быть врачом. А кто, как ни Ион – тяжелейший инвалид, с 1945 года не проживший ни дня без боли, мог сострадать своим пациентам.

И ничто уже не могло повлиять на принятое тогда решение. Даже столь заманчивое предложение от маршала бронетанковых войск: в случае согласия поступить в военную Академию, поднять его наградные документы и присвоить ему звание Героя Советского Союза. Много лет спустя Деген сказал Виктору Кагану: «Танковая промышленность прекрасно обошлась без меня, а я – без Звезды, хотя приятно было бы».

Прозрение: о происхождении и роли антисемитизма

Возникавшие у Дегена время от времени ещё на фронте сомнения относительно принадлежности коммунистов к передовому отряду не изменили его, и он вернулся с войны всё тем же «железобетонным коммунистом». Но последовавшие затем события — от убийства Михоэlsa до дела «врачей-отравителей», а также перипетии с трудоустройством, — сделали своё дело.

Он упорно заставлял себя не думать о том, что все чаще и настойчивее вползало в его сознание, - «объяснить все происходящее можно только антисемитизмом, причем, не отдельного частного лица, а организованной политической системы. Но ведь система — это же функция Марксизма-Ленинизма, самого неоспоримого, самого гуманного учения. Как же совместить антисемитизм с гуманностью? Он с недоумением думал о себе, слепо верящим, отгоняющим сомнения, лишенном способности к элементарному анализу».

Ион пришел к убеждению: нельзя быть одновременно ученым и коммунистом. Самая красивая теория должна быть отвергнута ученым, если она противоречит статистически достоверному эксперименту. Следовательно, либо ты честный ученый, либо ты коммунист. Нельзя совместить несовместимое. Нельзя не очнуться от гипноза, навязанного ежесекундным вдалбливанием в мозг, если ты окончательно не идиот. Жестко запрограммировать можно только автомат.

Внес свой вклад и его пятнадцатилетний сын. Однажды он вышел из своей комнаты с раскрытым томом произведений Ленина.

— Ты читал эту статью?

- Какую статью?

- «Партийная организация и партийная литература».

- Конечно, читал.

- Так чего же ты говоришь, что родоначальник фашизма Муссолини? Эта статья написана в 1916 году. Вот где истоки фашизма. А ты считаешь, что у твоего Ленина нимб вокруг лысины.

- Как ты смеешь?! — Закричал Ион, - У тебя нет ничего святого!

— Почему это нет? Ты же сам меня учил, что истина — это святое.

Сталкивался Ион с антисемитскими выпадами и со стороны всех руководителей медицинских учреждений, в которых ему довелось работать до отъезда в Израиль. Ион корил себя за то, что продолжал исправно платить членские взносы и посещать партийные собрания, если не удавалось придумать уважительную причину, которая позволила бы отсутствовать на собрании.

И хотя Ион всегда выходил победителем в стычках с антисемитами, но это не доставляло ему радости. Ему хотелось быть равным среди равных, быть в своей среде, ни в ком, не подозревая скрытого антисемита.

Если для большинства «прогрессивных» евреев по-прежнему самым притягательным оставалось всемирное братство трудящихся, то Ион всё более разочаровывался в интернационализме. Теперь он с подозрением относился к неевреям, на каждом шагу ожидая от них неприязни.

Антисемитизм не исчез, а просто из религиозного и экономического превратился в расовый. Ион в шестнадцать лет пошел на фронт воевать против фашистской формулы крови. И как же ему горько было слышать, и ни где-нибудь, а в райкоме партии, что у всех евреев и, значит, у него с рождения в крови мечта об Израиле, а в партию он вступил из карьеристских соображений. Это из карьеристских соображений он первым шел в атаку, чтобы первым получить «фашистскую болванку»?

Ион творил чудеса с примитивными инструментами эпохи Петра Первого, что вызывало естественную зависть к необъяснимым успехам этого еврея. Как тут было не вспомнить: «И сказал Авимелех Ицхаку: уйди от нас, ибо ты гораздо сильнее нас» (Бытие 26:2-17).

С возрождением еврейского государства Деген стал верить в возможность нового Исхода. Ведь свершилось чудо Исхода из Египта. Почему бы не свершиться еще одному чуду? В нем крепла вера в то, что чудо должно повториться. Он хотел жить, не думая о национальности, хотел, как говорил, «стать каплей, слившись с множеством подобных капель в однородную жидкость».

То, что им двигало только желание жить в Израиле среди евреев, убедительно подтверждается отказом от столь лестных предложений, полученных Дегеном и в Союзе перед отъездом, и вскоре после приезда в Израиль.

В ноябре 1976 года, то есть, за год от отъезда ректор Томского медицинского института, академик академии медицинских наук, профессор Иннокентий Васильевич Торопцев пригласил Дегена на должность заведующего кафедрой ортопедии, травматологии и военно-полевой хирургии. Такому предложению обрадовались бы профессора, занимавшие кафедры во многих институтах, а Деген отказался. Узнав о решении Дегена уехать в Израиль, секретарь ЦК КПСС Долгих прислал к нему своего посланца с целью уговорить Иона остаться, обещая удовлетворить любые его

требования. То есть, и среди гоев были «благословенные, которые благословляли еврея».

И в Израиле через пять с половиной месяцев после репатриации Деген получил предложение от известнейшей фирмы-гиганта, которой требовался консультант. В Филадельфии ему уже был приготовлен приличный дом. В компании он будет получать всего четыре тысячи долларов в месяц, — «на семечки», — примерно, за полчаса работы в неделю. Остальное — практика ортопеда, которая даст триста-четыреста тысяч долларов в год. Притом, что заработная плата в Израиле могла рассмешить любого американского врача. Деген, поблагодарив, отказался от всех заманчивых предложений, объяснив это тем, что он, еврей, хочет жить в своей стране.

Восприятие Израйля

Израиль во многом оказался непохожим на тот идеальный Израиль, о котором мечтал Ион в Киеве. Очень многое раздражало его в Израиле. Раздражала его галутная психология, присущая многим израильтянам, которые с опаской втягивают головы в плечи, ожидая реакции окружающего их враждебного мира на справедливые поступки Израйля.

Но самым ужасным было то, что в Израиле среди евреев, а также среди 250 тысяч русских, многие оказались антисемитами. Антисемиты в Израиле, куда он удрал от них, и которых он люто ненавидел!

После создания Государства Израиль вместе с репатриантами-евреями стали приезжать их жены-нееврейки. Многие из них, переехав в Израиль, не хотели отказываться от прежних обычаев, украшая свои дома крестами и изображениями Иисуса, а на рождество устанавливая елку. Этот факт изначально многими рассматривался как угроза еврейской целостности государства Израйля. Их антисемитизм — на генном уровне — очень часто передавался их детям.

В год приезда Дегена в Израиль после переворота 1977 года произошло формирование объединения всех оппозиционных фракций — Авода, МЕРЕЦ, ХАДАШ —, получившего название «израильские левые», передовым отрядом которых стало движение «Шалом ахшав» (Мир — сейчас).

Познакомившись с произведениями Жаботинского, Ион проникся идеями ревизионистского (капиталистического) сионизма, отвергнув сионизм социалистический. Он говорил, что «даже расширенный консилиум самых выдающихся медиков, отчаявшись, не придумав ничего другого, поставит при оценке израильской действительности диагноз шизофрения».

Дегена возмущало, что израильтяне — члены леворадикальных организаций — ведут себя, как самоубийцы. Он видел прямую связь между преступлением Шимона Переса с Бейлиным, импортировавшими из Туниса околевавшего там Арафата, и тысячами погибших израильтян.

Он считал пацифистов проарабского движения «Мир сейчас» скопищем прекраснодушных дураков или подлецов. Ему трудно было поверить, что левые, предлагая отступить к границам 1967 года, чтобы палестинцы могли создать свое государство, не понимают, почему с 1948 года по июнь 1967 года они его не создали. Он видел, что единственным их требованием было и остаётся, чтобы евреи убрались с их, как они считают, земли.

Но, если исходить из этого, — говорят левые, — тогда Израилу придется постоянно воевать, поэтому люди хотят достичь мира «Сейчас»! И плевать им на то, что арабы отказываются жить в мире с евреями. Мир сейчас — любой ценой! Завтра их не интересовало, завтра хоть потоп! На самом деле, это выдает их неуверенность в завтрашнем дне. Через пару десятков лет Израиль окажется в руках религиозных

сионистов, а старые элиты из всеизраильских превратятся в секторальные, относящиеся к левому атеистическому меньшинству.

Деген считал преступным поведение правительства Меир – Даяна, стоившее народу Израиля столько жертв в первые дни войны Судного дня. Линия Бар-Лева на Синае. Обычный сетчатый забор на сирийской границе. Сколько на этом заработали подрядчики? Сколько денег это стоило налогоплательщикам? И сколько крови — народу Израиля?! Существование левых на земле Израиля Ион считал наказанием за грехи евреев.

Ион ставил израильской действительности диагноз: шизофрения. «Ветви власти», то есть, армейские чины, полицейские, судьи, СМИ и Гистадрут объединились, чтобы изменить существующий порядок, который зовётся демократией, и назначать премьер-министров вопреки результатам выборов.

Особенно возмущал его абсурд судебной системы. Юристы, судьи, которых никто не выбирал, почувствовали себя архитекторами общества, обязанными определять, что и как должно быть на основе нравственных ценностей, а не на законах. Кроме того, судебная система насквозь прогнила и за взятки принимает решения, которые противоречат законам, которые принял Кнессет. Приём, который позволяет обойти закон — это решения в соответствии с «прецедентами», то есть, на основе решения, которое принял другой судья. Если есть прецедент, законом никто не интересуется. Судья должен быть способен преодолеть требования закона. Если закон, по мнению судьи, невыносим, то судья должен найти выход и обойти его. Какой бы закон ни принял Кнессет, совесть и радикальные воззрения судьи должны быть выше и важнее воли народа, чтобы найти способ обойти закон. Поскольку Кнессет якобы отказывается принимать социальные законы, то судьям требуется ещё и право самостоятельно формировать законодательство.

Ион же считал, что суды не предназначены для того, чтобы решать каждую проблему или исправлять любые недостатки в общественной жизни. Политические решения и оценка деятельности правительства должны быть прерогативой политических ветвей власти, избранных народом и отвечающих перед ним.

Ещё Деген всегда возмущался, когда Иудею и Самария называли Западным берегом, а живущих там арабов – палестинцами. Он не признавал их самостоятельным народом, а лишь остатками разных других народов.

Но воевать со своими ему было противно. Он отгородился от этого, считая Израиль со всеми его недостатками своей единственной страной и был убежден, что рождён для этой страны, и его стремление в Израиль не было случайным.

Но порой в нём просыпался «израильский агрессор», и ему хотелось, например, услышав молитву муэдзина, тысячекратно усиленную громкоговорителями, взять в руки винтовку и расстрелять все до единого репродукторы.

Многие левые ненавидели всех репатриантов. По мнению самого выразительного и аутентичного представителя левых, писателя Амоса Оза, сначала массовая иммиграция выживших в Шоа, анти-социалистически настроенных восточных евреев, потом иммиграция из Советского Союза совратили израильское общество, которое могло стать образцовым - родиной, маленькой лабораторией воплощенного демократического социализма, «светочем для народов».

В репатриантах из Советского Союза левые видели ещё и предателей, которые променяли социалистическую страну на Израиль. Поэтому их устройство было поручено невежественным чиновникам, усаженным в свои кресла мелкими функционерами - социалистами.

Деген возмущался, почему правящая партия даже не пыталась разрушить эту нелепую с логической точки зрения систему. Среди университетских профессоров, особенно, гуманитариев, было много самых злобных врагов Израиля, так называемых,

«правозащитников», которым даже ему, врачу-ортопеду, очень хотелось переломать руки. Нельзя же было предположить, что они не знакомы с уставом ХАМАСа, в котором утверждается: «Для палестинской проблемы нет другого решения, кроме джихада. Аллах — наша цель, Пророк — образец, Коран — конституция, джихад есть путь и смерть во имя Аллаха, есть величайшее из желаний».

Этот Устав не что иное, как исламистская версия «Майн Капмф». Он обвиняет евреев во всех бедах мира и цитирует хадисы, призывающие убивать любых евреев везде и всегда. ХАМАС показывает детям мультфильмы о том, как резать евреев, следит, чтобы жители анклава не имели других денег, кроме тех, которые им раздали террористы, и другой возможности карьерного роста, кроме как через ненависть к Израилю.

А левые называют отказ Израиля от согласия с подобной позицией «неготовностью к компромиссу». Но ведь возобновление столь желанного левому лагерю, т.н. «мирного процесса» полностью противоречило здравому смыслу!

Ион пытался понять, что это — элементарная глупость, или диверсия против своей страны? Может быть, даже оплаченная диверсия. Тем более, что некоторые источники оплаты уже назывались. Но ведь в стране, которая находится в состоянии войны, диверсанты подлежат суду военного трибунала со всеми вытекающими последствиями. До него не доходило, почему воюющая страна не предпринимает карательных мер к диверсантам, находящимся на содержании противника?

Деген полагал, что современные левые в Израиле — разжиревшие потомки тех поселенцев в Палестине, которые потом и кровью осваивали Богом данную евреям землю. Но со временем они увидели, осознали несбыточность своей прекрасной утопии.

Их деды и отцы, поселенцы того времени, создали Государство Израиль. А их дети и внуки отказываются от службы в армии. В элитных подразделениях теперь служат нынешние поселенцы, за которыми будущее страны и которых они поэтому ненавидят. Они выхолащивали сионистскую идею, защищая арабские интересы.

Стремление к арабо-еврейскому сотрудничеству имело глубокие корни. Ещё в 1925 году в Ишуве было создано общество «Союз мира» (Брит Шалом), которое разделяло идеи двунационального государства, признавая невозможность и этическую несостоятельность сионистского проекта. Создатели Брит Шалом в большинстве своём были выходцами из Германии и Австрии. Либералы из Брит Шалом так и не поняли, что арабам нужны не соглашения, а полное отсутствие евреев в стране.

Относительно же арабов он быстро понял, что исламисты и джихадисты видят мир с точки зрения силы и слабости. Они уважают силу и презирают слабость, а умиротворение и примирение считают слабостью.

Левые верят в то, что единственная причина недовольства арабов, заставляющая этих «несчастливых» совершать теракты и убивать ни в чём неповинных людей — неблагополучие, недостаток заботы о них со стороны израильских евреев. Поэтому евреи стараются задобрить, услужить. Задабривают, а их еще больше не любят. Может быть, чувствуют, что такая доброта от слабости, а слабых не любят. А если ничего нельзя изменить, то пусть идет, как идет, — статус-кво.

Но почему нельзя изменить? Ион говорил: «пока относишься к ним по-человечески, они думают, что ты фраер, а если дашь арабу лопатой по спине, он сразу понимает, на чьей стороне сила». К террористам Деген относился, как к врагам, а врага лучше убить, поскольку «Убитый враг — оно верней».

Поэтому он считал, что каждому еврею нужно иметь при себе оружие, в отличие от арабов, которым никто не угрожает. У него самого был страшный, как пушка, 15-ти зарядный американский пистолет «Ругер», который он готов был применить, предпочитая даже попасть в тюрьму, но не на кладбище.

Израильскую армию приучили действовать гуманно, и ей приходится думать не столько об эффективной защите израильтян, сколько о том, чтобы не нанести урон арабскому населению. В результате кровь текла рекой, о чем пытаются забыть. Кровь солдата-друга, погибшего при защите гробницы Йосефа, и линч в Рамалле, и Дельфинарий, и взрыв в гостинице Парк в вечер Песах. Народ привыкает: смели с мостовой осколки, затерли пятна крови и всё нормально.

Вряд ли Ион пытался оправдать загадочную терпимость израильского общества к террору. Он понимал уникальность нынешнего террора. Верхушку израильского общества он вообще не задевает - ведь богатые не ездят на автобусах, не посещают рынки, не раскатывают по опасным самарийским дорогам.

А Дегену приходилось. Нет, никто его не принуждал, он добровольно взялся помогать поселенцам, безвозмездно оказывая им ортопедическую помощь. Однажды на участке дороги, который проходил по узкой глубокой лощине, где так просто сверху забросать автомобиль камнями, поэтому Ион всегда старался проехать его на максимальной скорости, ему не дали сделать этого.

Впереди медленно плёлся арабский форд-минибус. В зеркале заднего вида он увидел точно такой же автомобиль, прижимающийся к его машине. Ион открыл окно, взял пистолет «Ругер» в левую руку и прицелился в идущий впереди автомобиль. Тот быстро скрылся за поворотом. Ион остановил свою машину посреди дороги, чтобы невозможно было объехать. Не выключая мотора, он вышел из автомобиля с «Ругером» в правой руке, подошел к форду, стоявшему позади его «вольво». За баранкой сидел молодой араб. У Иона не было уверенности в том, что он окончил университет Патриса Лумумбы, или некое закрытое учебное заведение в системе КГБ. Тем не менее, решил обратиться к нему по-русски:

- В этом пистолете пятнадцать патронов. Если я увижу тебя за мной, пятнадцать пуль будут в твоей башке. Моё идиотское правительство, конечно, посадит меня в тюрьму. Но в тюрьме я буду живым. А ты будешь трупом. Понятно?

Такое правительство, примирившееся с террором, он считал, не имеет права на существование. Во время войны Ион убивал, и много убивал из всех видов оружия от карабина до танковой пушки, стреляя по немцам шрапнелью. При этом он интуитивно понимал, что поступает правильно. А потом он узнал высказывание Жаботинского: «Тот господин, который в эту минуту проходит за моим окном по улице, имеет право на жизнь лишь потому и лишь постольку, поскольку он признает мое право на жизнь. Если же он захочет убить меня, то никакого права на жизнь я за ним не признаю». Не знал он тогда и еврейского закона: «Пришедшего убить тебя — убей!».

Победа Израиля в Шестидневной войне не только спасла государство от тотального уничтожения, но и создала новую ситуацию. Власть Израиля в Иудее и Самарии над примерно 1.500.000 арабов, - не граждан Израиля. Возник острый конфликт, внешний и внутренний, между стремлением избавиться от «развращающей оккупации» и невозможностью это сделать.

Левые говорили Иону, что арабы живут на захваченных у них евреями территориях, и поэтому евреи не имеют права властвовать над ними. Деген возражал, утверждая, что эти территории являются не захваченными, а освобождёнными после совершенной Иорданией агрессии. Иудея и Самария больше полосы Газы в 16(!) раз. С гор Самарии видны и небоскребы Тель-Авива, и взлетные полосы аэропорта Бен Гурион, и трубы электростанции в Хедере. Как уйти оттуда? Кажется, нет решения!

Неожиданное подтверждение взглядов Дегена пришло из Саудовской Аравии, где известный саудовский автор Раваф Бин-а-Саин [записал ролик](#), в котором раскрывает правду о палестинских арабах. Он категорически отказывается использовать в их адрес слово «народ», у которого есть своя земля. И поэтому, считает он, у них нет и никакой «проблемы». Это Страна Израиля, и «проблема» у израильтян, которая состоит в самом

существовании этих «выдуманных палестинцев». А Нетаниягу он называет трусом и проклинает его за то, что он не разобрался с ними и обеспечивает им укрытие, а должен был проучить их, избавив мир от наказания, которым они стали. Заканчивается ролик призывом: «Нетаниягу! Прогони уже, наконец, эту банду, избавь нас и весь мир от них. Пусть сваливают».

Деген подходил к решению арабо-израильского конфликта намного гуманнее, чем этот саудит. Он считал, что единственным решением может стать добровольный и материально стимулированный трансфер палестинских арабов в третьи страны, с одновременным затруднением их пребывания в Эрец Исраэль. Он понимал, что тот, кто не хочет выдворять арабов, выдворяет евреев. Поэтому его так возмущал еврейский погром (*итнаткут*), организованный Шароном.

Как любой здравомыслящий человек он понимал, что последствия создания ещё одного арабского государства в Иудее, Самарии и Газе станут тяжелее последствий существования квазигосударства в Газе. И если Израиль готов будет создать мягкие условия для эмиграции палестинских арабов, то израильтянам их никто создавать не будет, да и бежать большинству из них будет некуда.

Деген понимал различие в культурном, историческом и экономическом смысле между евреями и арабами. Их объединение смерти подобно. Можно ли себе представить, чтобы евреи совершили нечто подобное тому, что произошло во время погрома 1929 года - дикая резня еврейской общины Хеврона. Людей сжигали живьем, детей рубили топорами на куски на глазах родителей, женщин – включая беременных – сначала насиловали, а затем убивали.

Насколько важно обеспечить оборонную стратегическую глубину Ион, вся юность которого была связана с войной, прочувствовал, как говорится, на собственной шкуре и запомнил на всю жизнь. Достичь этого вместе с устранением демографической угрозы еврейскому государству невозможно без перемещения арабов за пределы Западной Эрец-Исраэль.

Но даже под прикрытием «Ликуда» Деген видел нечистоплотных людишек, которые, не имея представления о ревизионизме и основателе движения «Бейтар», делают карьеру, которая губит Израиль. Он критиковал израильских политиков, создавших культ Жаботинского, но на деле, ставших ликвидаторами его концепции.

Он возмущался тем, что даже премьер-министр Нетаньягу подчинился преступным Ословским соглашениям и отдал Хеврон в полную собственность Палестинской автономии. После этого в арабский Хеврон евреи не могут попасть. Путь туда преграждён постами Армии Оборона Израиля, тогда как для арабов путь в еврейские кварталы свободен.

Наблюдая за борьбой агрессивного идиотизма и здравомыслия, Деген видел, что «правые» просты, как швабра: любовь к стране, порядок, трудолюбие, процветание, — вот буквально одна извилина. А у «левых» их две. Одна гениальная, придумывает айфоны, Фейсбуки, Твиттеры... А другая дремучая, неандертальская, пещерная, тянущая назад всё и вся. И сейчас именно идиотизм с явным преимуществом побеждает здравомыслие.

Можно представить себе, как тяжело было Дегену пережить позор предательства солдат ЦАДАЛа в 2000-ом солдатом Номер Один — Бараком, а потом своих евреев — Шароном, в 2005-ом. Невозможно было не видеть в этом окончательного разложения национальной нравственности как следствия Ослиных «соглашений».

И всё же Ион верил, что ситуация в Израиле изменится к лучшему. Евреи, наконец-то, поймут, что действия арабских убийц обусловлены «соображениями высшего порядка». Ими движет «святая цель» — уничтожение еврейского государства и как можно большего числа еврейских жителей Израиля. Беседы Дегена с арабами

обнаруживали их общий настрой: «Евреев надо всех утопить, а в качестве промежуточных шагов - урезать их страну».

Ион не дожил до «потрясающих» успехов Израиля – подлинного воплощения мечты Шимона Переса о «Новом Ближнем Востоке». (Понятно, что имеется в виду нормализация отношений Израиля с ОАЭ, Бахрейном, др. арабскими странами).

Во-первых, содеянное Пересом и Бейлиным Деген считал преступлением (см. выше), и этим определялось его отношение к Пересу. С их легкой руки началась передача под контроль арабов частей Эрец-Исраэль (Бегин не считал возвращенный Египту Синай частью Эрец-Исраэль). Подписанные Израилем соглашения с арабскими странами не требуют, как утверждают для успокоения общественности, территориальных уступок. Но отказ от распространения суверенитета (опять же успокаивают, что это не отказ, а перенос сроков) даже на те части Иудеи и Шомрона, которые находятся под контролем Израиля, воспринят арабами как сигнал к быстрее застройке свободных участков в непосредственной близости от еврейских поселений.

Страны, которые пошли на сближение с Израилем, после 2МВ находились под «американским зонтиком». Сейчас у этих стран, слабых в военном отношении, оказались общие с Израилем враги в лице Ирана и Турции. Но такая ситуация может измениться под влиянием усиления противодействия существующим режимам в этих странах. Что касается Судана, то нормализация его отношений с Израилем просто покупается. На Судан сразу [пролился](#) «гуманитарный дождь». Сам Израиль отправил на пять миллионов долларов пшеницу, которой ему самому не хватает для местного потребления.

То есть, дружба держится на подачках: одни получают разрешение на приобретение сверхсовременного оружия, другие – гуманитарную помощь, третьи – снисходительное отношение к незаконному захвату территорий..., Израиль, как всегда, довольствуется бумагой с красивыми «вензелями».

Предположим теперь, что в Турции и Иране произойдет смена правящих режимов. Присоединятся ли эти страны к «Новому Ближнему Востоку» или, напротив, после устранения угрозы со стороны Турции и Ирана, возобладает мусульманская солидарность и Новый Ближний Восток превратится в «старый», враждебно настроенный к Израилю? Мне кажется, Деген поверил бы больше во второй вариант, и его огорчил бы фактический захват арабами территорий путем их застройки в результате отказа (или переноса сроков) от распространения израильской юрисдикции на эти территории. А по соседству с Израилем по-прежнему останется палестинское общество, пронизанное всё ослепляющей ненавистью к Израилю.

Представления о врачебной этике.

Ион Деген был неудобен, имел и высказывал собственную точку зрения по всем вопросам. Его представлениям о врачебной этике и вообще морально-нравственным требованиям в Израиле соответствовал лишь проф. Арье Эльдад. К такому заключению они пришли сообща.

Необходимо отделять Дегена-врача от Дегена-гражданина. Деген — врач, следуя клятве Гиппократата, не отказывал в помощи ни одному арабу. Более того, бывало, сам отмывал принесенного ему по уши в дерьме ребенка. При этом на благодарность за оказанную арабу помощь никогда не рассчитывал, понимая, что, воспользовавшись помощью, араб не остановится перед тем, чтобы зарезать его. Реакция арабов на евреев основана не на логике, а на врожденной ненависти.

Иона интересовало, что побуждает студентов выбирать профессию врача. Примерно треть студентов привлекает престижность профессии. А две трети избирают профессию врача, поскольку она обеспечивает относительную независимость. И ни у кого не возникала мысль о служении.

В фильме Тарковского «Иваново детство» мальчик-разведчик не может вернуться после войны в мирную жизнь, в которой ему нет места. Деген не мог забыть войну, был «весь набальзамирован войной», но и переживания, и полученные на войне увечья трансформировались у него в такое столь необходимое врачу качество, как сострадание.

Конечно, Ион не сомневался, что при существующей в Израиле системе обучения студенты станут отличными специалистами. Парацельс, врач шестнадцатого века писал: «Из сердца вырастает врач. ...И высшей функцией врачевания является любовь». Но у многих ли среди них есть сердце, из которого вырастет врач? Можно стать даже профессором, не будучи врачом.

Деген считал, что нет простых операций, а есть пустые хирурги. Не было ни одной операции, к которой бы он не готовился заранее, стараясь предусмотреть все возможные неожиданности. И все же непредвиденные неожиданности иногда случались.

Как-то во время операции по поводу правосторонней ущемленной паховой грыжи обнажился участок тонкой кишки длиной сантиметров десять, черной, как уголь. Необходима резекция кишки. Ион дважды делал резекцию тонкой кишки: один раз на трупе, второй - на кошке. Сейчас на столе перед ним не труп и не кошка - шестнадцатилетний паренек. Что делать? О резекции не может быть и речи. Он начал греть кишку салфетками с теплым физиологическим раствором. В какой-то момент показалось, что по пораженному участку прошла волна. Ион рассек ущемляющее грыжевое кольцо и вправил кишку в брюшную полость. После операции Ион просидел на табуретке двадцать часов, проверяя, не появились ли признаки перитонита. Каждая такая неожиданность вбивала в него еще одну крупицу знания и опыта. И со временем неожиданностей становилось все меньше.

Самое главное у врача, считал Деген, - умение думать, ну и, разумеется, сострадание. Но одно сострадание без умения думать никогда не сделает из человека врача. «Врач должен думать, считая «думательный процесс» одной из основ врачевания, но тот, кто должен думать, до этого уже должен знать. Наблюдающих специалистов удивляет фантастическая интуиция врача. Это не интуиция. Просто быстро произошло сличение наблюдаемого с данными, хранящимися в памяти. Но и при «ворочающихся валунах», и при озарении диагноз не был бы поставлен, не будь в памяти достаточного запаса знаний.

У врача, даже начинающего, должен быть колоссальный запас знаний и очень хорошая память. У врачей, окончивших израильские университеты, теоретический уровень вообще высочайший. Но делает ли такой теоретический уровень всех врачами в представлении Дегена об этой профессии?

Можно поступить на медицинский факультет университета, имея очень высокий IQ. Можно с блеском сдать многочисленные экзамены - свидетельство приобретения знаний. Можно сохранить эти знания, имея хорошую память. Можно уметь думать. Но даже все это не создаст врача, если у человека, получившего профессию медика, нет еще одного, вероятно, врожденного качества.

Увы, нет еще теста, позволяющего выявить наличие или отсутствие сострадания у абитуриента, поступающего на медицинский факультет. Нет еще возможности закрыть двери медицинского факультета перед абитуриентом, не обладающим чувством сострадания. Никогда такой человек не будет настоящим врачом. Он может стать вполне компетентным профессионалом, но Врачом (с большой буквы) он никогда не будет.

Когда профессор смотрит на больного только как на объект, подлежащий ремонту, он ничем не отличается от хорошего, скажем, слесаря-лекальщика, работающего над сложной деталью. Он забывает о том, что человек не металлическая болванка, что

кроме тела, состояние которого определяется качественными и количественными анализами, есть еще невидимая непонятная душа, определяющая личность.

Вооруженный знаниями и опытом профессор умеет поставить точный диагноз и назначить курс лечения наиболее благоприятный для положительного исхода.

- Чего же более? - Спорили иногда с Ионом его друзья-медики. - Разве не это функция врача? - Сострадание — вот она необходимая компонента врачебных качеств, магически действующая на пациента и на его близких.

Особое место занимал вопрос о гонорарах. Деген считал аморальным брать деньги у больных, которых лечил в больничной кассе, платившей ему жалование. Рекламу врачей считал неэтичной. Любые достижения в медицине должны публиковаться в научной медицинской литературе, а не в газетах.

Неведомая сила тянет хирурга в операционную - хирургический зуд. Но если можно вылечить больного без операции, то операция, безусловно, вред. Однако часто стимулом служит не хирургический зуд, а хирургическое стяжательство. Не сделай профессор операции, не получил бы весомый гонорар.

Сколько зарабатывает профессор, делая операции, которые можно было не делать, если бы больные лечились магнитным полем. Но сломали аппарат для магнитотерапии, т.к. если не сломать его, то придется вместо операций лечить больных магнитным полем. А как же быть с высокими гонорарами за операции?

Если врач хочет заработать на ненужной операции, это уже не врач, а преступник.

Возмущался Ион тем, что в Израиле, нарушая врачебную этику, нарушая клятву Гиппократова врачи берут гонорар у своих коллег.

Деген считал мировую фармацевтическую промышленность несчастьем медицины. То, что делает фармацевтическая промышленность, это преступление против настоящей медицины. Та же магнитотерапия, которая могла бы помочь очень многим больным...

Но она же не принесёт такого дохода, какой приносят лекарства...

Достаточно бывает команды организму самому справиться. Он же сам себя ремонтирует. Когда ему говорили: «Но ты же хирург!», он парировал: «Назовите мне хоть одну операцию, которую я делаю не для того, чтобы помочь организму, а вместо него. Даже ампутацию я делаю не потому, что конечность сама не отпадёт — отпадёт за милую душу, но до этого продуктами распада будет долго отравлять организм, а я должен предупредить это. Я помогаю организму. И если бы медицина развивалась по пути помощи организму, а не замещению его в производстве здоровья... Но то, что она делает, это заработки, это «Деньги или жизнь».

Деген был очень недоволен главным направлением, в котором развивалась медицина в XX веке, - антибиотики и химические препараты слишком грубо вмешиваются в работу организма, мешая ему самостоятельно справляться с истинными причинами болезней. Сегодняшние антибиотики примерно в 350 раз сильнее того пенициллина, который спас самого Иона после последнего ранения. А сегодня он бы его не спас.

Появились пенициллиноустойчивые формы микроорганизмов.

Виноваты же в этом врачи. Потому что давали его на каждый чих. Или вводят кортизон в места артритических болей, устраивая дику востряску всему организму.

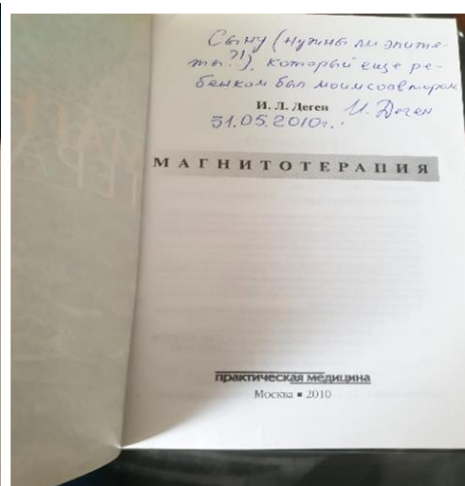
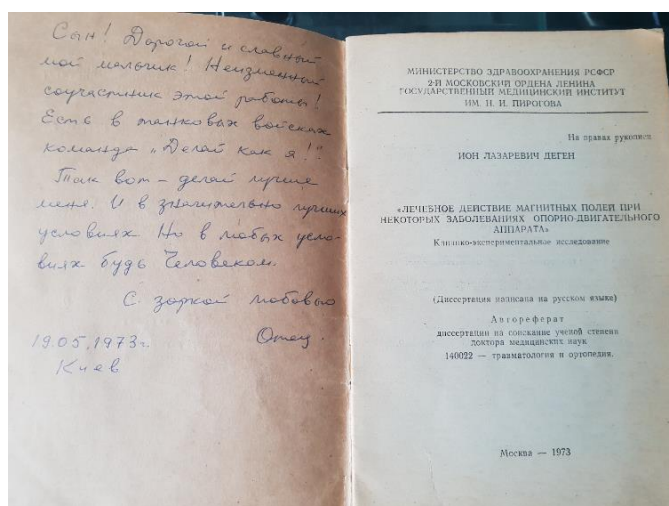
Волновала Дегена дегуманизация медицины. Разговоры о душевности, о человеческом отношении, о подбадривании больного, который не может не опасаться даже самой простой операции, о послеоперационном состоянии, которое так важно в процессе выздоровления, - все это оставалось за пределами сознания современного профессора.

Не теряет ли хирург, пользуясь изумительными инструментами и оборудованием, качества, которые могут пригодиться ему в экстремальной ситуации? Теряет!.. Ведь он их даже не приобрел!

Сын отцу в помощь

Папа неоднократно упоминал об этом.
Например:

Или посвящение его второй книги "ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ, Рассказ о Замечательном Человеке" (Израиль, 1992 г.) **ЮРИЮ ДЕГЕНУ — СЫНУ, ДРУГУ, ПОМОЩНИКУ** (первая книга — "ИЗ ДОМА РАБСТВА" — была, разумеется, посвящена моей маме, Люсе).

Или: *"Одна страница машинописного текста на английском языке, написанная мной не без помощи сына. Он не просто мое продолжение. Он мой самый близкий друг с той поры, когда начал понимать человеческую речь"* ("Моя родословная", в книге И. Дегена "ПОРТРЕТЫ УЧИТЕЛЕЙ", Израиль, 1992 г., и в журнале "Заметки по еврейской истории", [№17\(89\)](#), Ноябрь 2007 года).

Целью этого опуса ни в коем случае не является попытка привлечь внимание к моей персоне, не говоря уже о хвастовстве. Просто я считаю своим долгом поделиться с читателями и почитателями Иона Дегена

детальями, известными только мне, и таким образом позволить им заглянуть в его творческую лабораторию.

Мой вклад в папино творчество можно подразделить на 4 категории:

- Помощь, оказанная по папиной просьбе (поиск материала, перевод и т.п.)
- Корректурa, редактирование и критика
- Поставка сюжетов
- Посмертные публикации

По папиной просьбе я перевёл на английский и на иврит его статью о магнитотерапии. По нашей совместной инициативе я перевёл на иврит главу "Евреи не воевали" книги "ИЗ ДОМА РАБСТВА", а также рассказы "Низководный мост" (из книги "ВОЙНА НИКОГДА НЕ КОНЧАЕТСЯ") и "Хасид" (из книги "НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О НЕВЕРОЯТНОМ").

Здесь следует отметить, что перевод на иврит требует не только совершенного владения обоими языками, но и понимания контекста, прочно связанного с биографией автора и специфики его среды обитания. Иначе перевод оборотов вроде "Товарищ гвардии младший лейтенант", "СМЕРШ", "Вторая отдельная гвардейская танковая бригада", "Кандидат медицинских наук", "Академик", "Гражданин начальник" и т.п. будет точным, но бессмысленным.

Ещё одна папина просьба не была обращена непосредственно ко мне, но прозвучала очень пронзительно:

*Языковой барьер. То, что я написал,
Недоступно ни внушкам, ни внуку.
Как запомнят меня? Как любил? Как ласкал?
Как вводил постепенно в науку?*

*Или только порой, распивая чай,
Вспомнят вдруг за семейным обедом
Не стихи, не рассказы, не книги мои,
А салат, приготовленный дедом?*

Февраль 2005 г.

Это было написано накануне празднования Бар-Мицвы моего сына Авиоза.

На самом праздновании я прочитал это стихотворение и дословно перевёл на иврит

С тех пор на протяжении нескольких лет каждую субботу я в течение часа (иногда чуть больше) читал детям (дочка Лихен старше Авиоза на 3 года, Вардина – на 4) папины рассказы на иврите, переводя их по ходу чтения.

Справа налево: мама, папа, Вардина, я, Авиоз, Лихен, 2006 г.

И с каждой субботой во мне зрело решение издать книгу папиных рассказов в хорошем, профессиональном переводе на иврит.

Такая возможность предоставилась лишь в 2014 г., а в 2015 г., к 90-летию папы и к 70-летию Дня Победы, сборник рассказов и стихов о войне в переводе на иврит, увидел свет. Свершиться этому помог бывший москвич, а с 1990 г. – иерусалимец, книговед доктор Леонид Юниверг – основатель и директор издательства «Филобиблон». Как он

сам вспоминает, описывая первую встречу с И. Дегеном в мае 2013 г., уже перед уходом *«Ион вдруг спросил: “А вы бы не взялись за издание новосибирской книги (имеется в виду сборник «Я весь набальзамирован войной» 2012 года – Ю.Д.) в переводе на иврит? Нам с женой очень хотелось бы, чтобы наши внуки, да и мои ивритоязычные друзья смогли прочесть мои рассказы, особенно о войне”.* Я ответил, что с удовольствием бы это сделал, но боюсь, что они не смогут оплатить стоимость перевода, которая минимум в три раза выше затрат на само издание. Услышав приблизительную сумму за перевод, Ион и Люся тяжело вздохнули и развели руками. Прощаясь, они решили все же не отказываться от этой мечты, а я пообещал подумать, как можно преодолеть такой серьезный барьер...». Подробнее об этом «невыдуманном рассказе о невероятном» поведал сам издатель в этом же сборнике*.

Моя работа редактора и корректора, упоминаемая Леонидом Юнивергом, относится уже ко второй категории. Вообще, с 2005 г., когда папа стал пользоваться компьютером, он посылал мне по электронной почте все новонаписанные статьи, рассказы и стихи, и таким образом я становился их первым читателем и критиком (вместе с мамой), а также корректором и даже, отчасти, редактором. Но и до 2005 г. мы с мамой были первыми читателями и критиками папиных произведений. Об одной моей неудачной критике хочу рассказать особо.

В 1978 г. папа написал рассказ "На коротком поводке с парфорсом" (опубликован в книге "НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О НЕВЕРОЯТНОМ", Израиль, 1998 г.; см. также "Заметки по еврейской истории", [№3\(106\)](#), февраль 2009 года). Я сказал ему: "Рассказ потрясающий. Лучший из всех написанных тобой. Но концовка никуда не годится. Ещё 300 лет ничего не изменится в Совдепии. Переделай концовку". Дело в том, что герой рассказа, советский торгпред на автомобильном салоне в Никосии, говорит своему фронтовому другу, ныне израильтянину, с которым он случайно встретился на Кипре: *"Не сейчас, но я еще приеду к тебе в гости. Что-то изменится. Должно измениться, если на Запад бегут такие люди и если в стране есть Куликовы. Я верю в это. Я еще приеду к тебе, Исачок"*.

Папа ничего не изменил. И, как известно, правильно сделал. Непостижимо, как он мог предвидеть то, во что не верили ни просвещённые дилетанты вроде меня, ни профессиональные советологи. А я по-прежнему считаю "На коротком поводке с парфорсом" одним из лучших папиных рассказов.

Перехожу к третьей категории, наиболее интересной.

И снова начну с отрицательного примера.

В статье "Коротко о себе" ("Заметки по еврейской истории", [№10\(71\)](#), октябрь 2006 года) папа написал:

"[В 1981г. я] стал писать книгу об Иммануиле Великовском, о личности необыкновенной, о Леонардо да Винчи XX века, о подлости американского научного истеблишмента, о том, что в историю науки вошло под названием дело Великовского. Писал я, естественно, в свободное от работы время. Прочитал все восемь книг Великовского на английском языке, десятки его научных статей - в основном на немецком, переписку с отцом - на иврите, сорок девять потрясающих публицистических статей в "Нью-Йорк пост", книги и статьи о Великовском и против Великовского, его стихи - на русском, просмотрел несколько видеозаписей его лекций в американских университетах (организовать просмотр было очень непросто, записи были сделаны старой аппаратурой, давно вышедшей из употребления). Но это была не

* См.: Юниверг Л. История издания первой книги И. Дегена на иврите. – Данное издание. С. ?

работа, а огромное удовольствие. Мне очень хотелось рассказать о Великовском русскоязычному читателю, у которого не было ни малейшего представления об этом гиганте. Книги Великовского были переведены на испанский, итальянский, немецкий, французский, японский и даже на африкаанс. Но не было в ту пору переводов на русский и, увы, на иврит... "Иммануил Великовский" вышел в свет в Израиле в 1990 году. Второе издание - в России (издательство "Феникс") в 1997 году".

Папа неоднократно упоминал, что о Великовском он узнал от дочери своих черновицких друзей (и племянницы знаменитого композитора Марка Копытмана, тоже папиного друга) Беллы Гинор [***Изабелла Гинор** (род 5.04.1948 г.) — израильский историк и журналист, специализирующаяся в истории Ближнего востока, СССР и событиях в постсоветском пространстве, сотрудник «Исследовательского института по продвижению мира» им. Г. Трумэна при [Еврейском университете Иерусалима](#)*]. Но за несколько месяцев до Беллы я, услышав о Великовском от своего товарища по учёбе в Институте Вайцмана Вовочки Шухмана (впоследствии профессора математики), поведал папе, захлёбываясь от энтузиазма, о гениальном учёном и о "деле Великовского". Однако это событие папа не запомнил (что нехарактерно). Поэтому лавры триггера потрясающего научного исследования, на уровне докторской диссертации, и замечательной книги, достались Белле. Зато я принял активное участие в исследовании в качестве ассистента и переводчика.

Задолго до этого, в канун 8-го Марта 1968 года, мой одноклассник, сосед и лучший друг с 1965 года и до сих пор, Володька Грубман, уже известный в школьных кругах как начинающий поэт, получил задание написать стихотворные поздравления нашим одноклассникам от имени шести мальчиков 7-го "В" класса 51-й школы г. Киева. С заданием Володька не справился, и, чтобы спасти положение и выручить друга, я обратился к более опытному поэту. Получив от меня краткие характеристики на одноклассниц, папа написал 21 поздравление за считанные часы. Увы, я запомнил только пять:

*Стекачёва свет-Евгения, признаётся без смущения,
Что полны мы восхищения и умом, и поведением.
Мы желаем, свет-Евгения, и успехов, и везения,
И такого настроения, как сама ты вся, Евгения.*

(Стоит ли уточнять, что я был влюблён в Женьку, и папа это, конечно, знал.)

*Сейчас, пожалуй, в самый раз
Поздравить Таню Магалайс,
И в жизни пожелать для старта
Чудесный день 8-го Марта.*

*Да знают города и веси
О Маланчук, о нашей Лесе!
И мы должны отметить в сноске:
Достойна будь великой тѣзки!*

*От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей...
Только нет ни серенады,
Ни гитары, ни мечей,
И не надо серенады.
Просто нам поздравить надо*

*С женским праздником Ларису.
Подписались шесть Парисов.
(Ларисе Мирошниковой)*

*Сегодня все мы в неподдельном горе,
Поскольку ты не замечаешь нас.
Но мы желаем, Степаненко Оля,
Чтоб полюбила ты родной свой класс.
И мы надеемся, что в годы процветанья
Вплетёшь и нас в свои воспоминья.*

Пять папиных рассказов и одна "голограмма" написаны "с моей подачи".
Начну с истории о прообразе рассказа **"Перстень"**.

Во время учёбы в Институте Вайцмана я подрабатывал лекционной деятельностью, хоть стипендии докторанта хватало с лихвой на безбедное и даже комфортное существование. Это началось в 1979 г., когда Общество охраны природы предложило мне прочитать лекцию на русском языке о лесах и рощах Израиля в 15 Центрах абсорбции по всей стране. Повидимому, лекция понравилась слушателям – и вскоре ко мне обратились из Еврейского Агенства (Сохнут, которому принадлежали эти Центры абсорбции) с предложением читать еженедельные лекции, опять же на русском языке, об истории сионизма и Израиля, о политической обстановке и пр. в Центрах абсорбции Реховота (Ошйот и Кфар-Гвиrolь) и Ашдода. Я с удовольствием согласился. Об этом узнала конкурирующая организация – Министерство абсорбции – и пригласила меня в программу обогащения знаний и представлений местного населения о новых репатриантах из СССР, посредством чтения лекций на иврите в армии, полиции, клубах Ротари и т.п. В рамках этой программы командир Базы подготовки новобранцев-артиллеристов (БПНА) в Шавей Шомрон возле Шхема, майор Коби Файгенбойм, организовал День Абсорбции, с утра до вечера, для каждого призыва новобранцев, 4 раза в году. Я проводил этот День 12 раз, в 1980-1982 гг. Не только лекции, но и беседы, социальные игры, соревнования...

(А в 1983-1984 гг. мы с Коби, уже подполковником, служили в одной части в Штабе Командования Артиллерии; он разрабатывал доктрину, а я занимался Исследованием Операций и метеорологией.)

В один из последних разов я сразу, с утра, обратил внимание на необычного новобранца. Во-первых, он выглядел существенно старше остальных, 18-летних. *(Эта ситуация была мне знакома из личного опыта: я проходил т.н. курс молодого бойца – тиронут – на общевойсковой Базе подготовки новобранцев к северу от Рамаллы в июле 1981 г., когда мне было 27 лет, вместе с 18-летними пацанами. Забавно, что Коби не был готов отказаться от моих услуг и во время моего курса. Он договорился с командиром моей Базы, прислал за мной машину – и я провёл День Абсорбции в БПНА, одетый так же, как и мои слушатели.)* Во-вторых, он излучал интеллигентность. Но главное – в отличие от большинства новобранцев, находившихся там только из-за необходимости подчиняться армейской дисциплине, он проявлял живой интерес к происходящему, задавал грамотные вопросы на прекрасном иврите, не свойственном обычному выпускнику израильской школы, – короче, выделялся из коллектива. На первом же перерыве он подошёл ко мне и заговорил на чистом русском языке. Я сразу определил, что иврит и русский у него – приобретённые, хоть он говорил почти без акцента на обоих языках. Но какой же родной?

- Давид Морано, – представился он.
- Ага, – подумал я, – Из маранов.

Давид рассказал мне свою историю. Ему 24 года. Родился в аристократической католической семье в Сан-Пауло, Бразилия. Был капитаном разведки. По долгу службы выучил русский язык. А ещё, кроме португальского, он владел английским, испанским, немецким и французским. В какой-то момент заинтересовался происхождением своей фамилии. И выяснил, что мараны – это евреи, которые, спасаясь от инквизиции, были вынуждены принять христианство. Что ещё его прапрадед, считаясь католиком, подпольно исповедовал иудаизм. Поэтому он решил вернуться в лоно иудаизма, прошёл гиюр, сделал обрезание и репатриировался в Израиль. При мобилизации в армию ему предложили штабную должность с сохранением чина капитана (я знал – это стандартная процедура), но ему было важно служить в боевых частях, и он пошёл рядовым в артиллерию.

- А откуда иврит?

- Ну, я уже четыре месяца в Израиле. Кроме того, я начал учить иврит ещё во время процесса гиюра.

Это меня не удивило. После четырёх месяцев в Израиле я, не такой полиглот и без предварительной подготовки, владел ивритом не хуже, чем он.

Я жил тогда в общежитии Института Вайцмана, но все субботы и праздники проводил у родителей (за исключением тех случаев, когда они гуляли по заграницам). Приехав в Гиватаим, я сразу рассказал папе об этой удивительной встрече. И через пару лет художественно обработанная биография Давида Морано предстала перед читателем в рассказе "Перстень" (опубликован в книге "НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О НЕВЕРОЯТНОМ", Израиль, 1998 г.)

Авраам Файнберг, академик Израильской независимой Академии развития наук, доктор искусствоведения, профессор, автор 23 книг, написал:

"26 марта и 2 апреля 2008 года региональный еженедельник «Мост» опубликовал рассказ И.Дегена «Перстень», который произвёл на меня впечатление самого талантливого, самого необходимого рассказа на русском языке из всех, какие довелось прочитать в израильской прессе. Действие развивается неторопливо, обстоятельно. Нет ни одного лишнего слова. Характеры и внешний облик действующих лиц предстают, как живые. Полагаю, что читатель, в котором сохранилась хотя бы капля еврейского самосознания, будет тронут до слёз по мере углубления в фабулу. Автор досконально вник в обстоятельства жизни богатой семьи ассимилированных евреев-марранов в Бразилии и показал, как неожиданно проявились дремавшие еврейские гены у представителей разных поколений.

Психологическая ёмкость и справедливость решения конфликта в многоярусной семье потрясает, а заключительная часть настолько зримо раскрывает выносливость израильских парашютистов в их стокилометровом походе под палящим солнцем, что вызывает чувство гордости и восхищения моральной и физической подготовкой израильтян. Только такой герой Великой Отечественной войны, как Ион Деген, смог так убедительно воссоздать напряжение солдатских будней на нашей исторической родине.

Рассказ «Перстень» звучит, как гимн неодолимо пробудившемуся еврейскому самосознанию и патриотизму, как поэма о пламенной, торжествующей взаимной любви еврея и еврейки друг к другу и к своей прародине. Рассказ смело можно назвать литературным шедевром и попытаться на его основе создать художественный фильм, который великолепно воспитывал бы еврейскую молодёжь этически и эстетически".

Папа предвидел в 1978 г. падение советской власти. Но мог ли он предвидеть в 1985 г., что через четверть века сам будет участником блестяще описанной им заключительной сцены рассказа – когда его внук будет принимать присягу у Стены Плача.

Папа, Авиоз и мама у Стены Плача, 2010 г.

Рассказ **"Встреча в театральной кассе"** ("Заметки по еврейской истории", [№8\(99\)](#), август 2008 года) начинается так:

"Сын работает в отрасли, которая называется прогрессивная технология. Мне не дано знать, что оно такое прогрессивная технология. Известно мне только, что никаких станков и прочих доменных печей в этой технологии нет. А весь штат руководимого сыном коллектива состоит из сплошных физиков и программистов с докторскими степенями... Знаю только, что и он и его сослуживцы не просто работают, а вкалывают и - соответственно - устают. И вот, когда усталость доходит до предела, когда в мозгу зашкаливает (с компьютерами у них в основном такое случается редко), они позволяют себе расслабиться. Это не та разрядка, которая была известна нам по прежней жизни, не перекур в уборной. Они предпочитают проплыть километр-полтора в бассейне, расположенном вблизи их работы. Работодатели достаточно разумны, чтобы не только не возражать против такого перерыва, а даже поощряют его, так как отдача многократно превосходит затраты.

Бассейн - не собственность прогрессивной технологии. Поэтому, кроме докторов философии и прочих физико-математических наук, там можно встретить публику, не имеющую отношения к работе прогрессивных технологов. А так как прогрессивные технологи приходят в бассейн уже в течение нескольких лет, им примелькались лица, с которыми они формально не знакомы, не знают даже имен и фамилий, но раскланиваются при встречах.

Как-то раз к сыну подошел высокий подтянутый немолодой мужчина. Сын давно обратил внимание на его интеллигентное симпатичное лицо".

Далее следует собственно рассказ. И в заключение:

"- Забавно, - сказал сын. - Ваша история могла бы войти в книгу моего отца «Невыдуманные рассказы о невероятном» в таком виде, как вы её рассказали. Без всяких беллетристических украшений.

- В какую книгу?

- Я же сказал: «Невыдуманные рассказы о невероятном».

- А как фамилия вашего отца?

- Деген.

- Ион Деген?

- Да.

- Ну, знаете, это уже на одну невероятность накладывается другая! Значит вы сын Иона Дегена? В таком случае, мне особенно приятно познакомиться с вами. Пожалуйста, передайте отцу привет от Миши, от инженера-строителя. Сын передал мне привет в тот же день. И рассказал эту историю. С Мишей, симпатичным интеллигентом, мы знакомы много лет. Мы часто общались. Вспоминали Вильнюс, к которому я тоже имею некоторое отношение. Пять дней тяжелейших боев в этом городе оставили неистребимый след в моём сознании. Почему во время наших бесед Миша не рассказал мне о встрече с двоюродным братом? Этот рассказ был бы не лишним в книге о таких же и даже более невероятных встречах".

Добавить нечего.

Пасхальную неделю 2011 г., включая Седер, наша семья – мои родители, мои дети, моя первая жена Исраэла и я – проводила не дома, как обычно, а в пансионате на берегу Средиземного моря, недалеко от базы, на которой служил Авиоз. Выбор места проведения праздника был продиктован желанием максимализировать время общения с Авиозом и, в первую очередь, обеспечить его участие в Седере.

Для Исраэлы и меня это был не просто пассивный отдых, а религиозное мероприятие с очень насыщенным содержанием – лекции, уроки, концерты, беседы и т.п., не говоря уже о трапезах и молитвах. На концерты ходили и родители.

Мероприятие сопровождали два раввина. Один из них – раввин поселения Ицхар в Самарии (Шомрон) Давид Дудкевич – рассказал на одном из уроков очень трогательную историю, которая тоже могла бы войти в книгу «Невыдуманные рассказы о невероятном» без всяких беллетристических украшений. Сразу после урока я пересказал эту историю папе. Через несколько дней, с минимальными беллетристическими украшениями, родился рассказ "Цепочка" ("Заметки по еврейской истории", [№6\(141\)](#), июнь 2011 года).

Ровно через три года мы с Исраэлой разошлись. Ещё через год я переехал из виллы в Маккабим в свою квартиру в доме, соседнем с домом родителей в Гиватаиме. Напротив дома родителей – сефардская синагога. Напротив моего – ашкеназийская. Я молился в сефардской, и в пятницу вечером после молитвы шёл на субботнюю трапезу к родителям.

Между "Кабалат Шаббат" (встречей субботы) и вечерней молитвой, раввин синагоги Пинхас Эдри – главный сефардский раввин Гиватаима – читал проповедь. Однажды он во время проповеди... Ну, вы уже догадались. Не прошло и получаса, как папа получил сюжет рассказа "Суд" (принят к печати в "Заметках по еврейской истории"). И, наконец, рассказ "Пустячок" ("Заметки по еврейской истории", [№1\(148\)](#), январь 2012 года) описывает рассказанную мной папе реальную историю, одним из участников которой был очень близкий мне человек.

21-го января (sic! – для тех, кто знает биографию Иона Дегена) 2016 г. я познакомился с моей нынешней дорогой и любимой женой, прекрасной Алёной, и уже с середины февраля мы жили вместе.

С Алёной и Володькой Грубманом перед сефардийской (большой португальской) синагогой Амстердама, в которой молились мои предки (см. И. Деген, "Моя родословная"). Май 2016 г.

*Фото-подарок папе – его любимая сирень – на последний, как оказалось, день рождения.
Май 2016 г.*

На тот момент у Алёны в Израиле не было семьи, кроме единственного сына. Поэтому две её лучшие подружки для неё – как сёстры. Эти подружки полны забавными и пикантными историями, как спелый гранат. Алёна рассказывала папе эти истории, и одну из них он успел записать. Так появилась последняя папина "голограмма":

УЧУСЬ

Катя поняла, что диплом об окончании института культуры, с которым она репатриировалась из Воронежа пять месяцев назад, в Израиле гарантирует ей не работу, а лишь проблемы. Поэтому без промедления записалась на курсы дизайнеров. Именно для поездки на эти курсы она впервые пришла на остановку автобуса. Несмотря на раннее утро, жара была невыносимой... И всё же на девицах, стоящих на остановке, тела открывались более чем откровенно. То есть, девицы, можно сказать, не были абсолютно голыми. А на Кате в такую жару элегантное платье, вполне соответствующее первому официальному дню занятий.

К остановке подкатил и остановился автомобиль. Водитель перегнулся через всё сидение, опустил правое стекло и обратился именно к Кате:

- *Работаешь?*
- *Нет, ещё учусь.*

Автомобиль уехал. А до самого прихода автобуса веселье и хохот не оставляли девиц. Ни одна из них не села с Катей в автобус. И в следующие дни девицы оставались в таком же виде. И сейчас, когда тот же автомобиль, что и в первый день точно так же подкатил к остановке. И снова водитель, обращаясь именно к Кате, спросил:

- *Ты уже работаешь?*
- *Нет. Ещё учусь.*
- *Ну, и что ты уже умеешь?*

До прихода автобуса, преодолевая пароксизмы хохота, девицы успели ей доброжелательно объяснить, что именно эта остановка – известная в районе своеобразная биржа проституток.

15.10.2016 г.

Неоднократно упоминавшийся ранее Авиоз – как-никак моё произведение – тоже вдохновлял папино творчество.

Папа обожал в равной степени всех моих детей.

На свадьбе Лихен, 10 февраля 2017 г.

Но с Авиозом у него была уникальная, трансцендентальная связь, особенно в последние 7 лет его жизни – с призыва Авиоза. Это было своего рода братство воинов, перескочившее через поколение. Тему эстафеты героизма, передаваемую от деда внуку, развил в своих речах (в Кнессете и на церемонии в Латруне), посвящённых 65-летию Победы над Германией, премьер-министр Израиля Биньямин Нетанияху.

Латрун, Май 2010 г

РАЗЛИЧИЕ

Внуку Авиозу.

*Сказали мне, что армия тобой гордится.
Горжусь тобой и я – и воином и внуком.
Я в возрасте твоём не мог свершить и трети
Того, что в части вашей повседневность.
А ведь считался сильным. Пусть в родной бригаде.
В той армии весь ЦАХАЛЬ был бы только крохой.
Две разных армии в галактиках различных.
Нельзя сравнить того, что несравнимо.
Но главное различье наших лет военных
Воспримешь ты, как чушь, в моём рассказе:
Как объяснить тебе, что значит слово голод?
А я почти всегда мечтал о хлебе.*

15.06.2012 г.

НАСЛЕДСТВО

Себе. В утешение

*Нет, не могу солгать, что, мол, ни разу
Себе в упрёк не проронил ни звука
За то, что с языком моих рассказов,
Язык в наследство не оставил внуку.*

*Оставлено ль в наследство нечто мною,
Того, что знанья языка важнее?
Да, качества бойца чего-то стоят.
Когда же говорю, что не жалею,
Конечно, лгу. Но эта ложь теплится,
Чтоб утихала горечь постепенно.*

*Известно, как им армия гордится,
Возможно, здесь мои сказались гены?
9.01.2013 г.*

*Наш внук сегодня друга хоронил,
Товарища по школе офицеров.
Безмолвно я сочувствие хранил,
Хоть из меня оно рвалось без меры.*

*Уже не лейтенант, а капитан
Покоится на воинском столице.
Он капитаном был ещё не зван.
И лейтенанты с ним пришли проститься.*

*Крепка на внуке воина печать,
Но этот день навечно сохранит он.
Мой внук способен горестно молчать.
Лишь только скулы сделались гранитом.*
12.01.2016 г.

В преддверии Дня Победы 2015 г. Ион Деген и лейтенант Авиоз Даган дали интервью portalу IzRus, в котором рассказали друг о друге и том, что для них значит этот праздник:

Дедушка научил меня любить Родину.

Авиоз, родившийся в Израиле, рассказывает, что решил служить в боевых частях, следуя примеру деда. Однако сам Деген выбор внука изначально не одобрял. Герой Великой Отечественной войны настаивал на том, чтобы Авиоз, успешно окончивший школу, поступил в университет, поскольку считал, что, получив высшее образование, молодой человек сможет принести больше пользы армии. "Но Авиоз, ткнув указательным пальцем мне в грудь, сказал: "Твой внук не будет джобником", - вспоминает Деген. – Что я мог ему на это ответить, когда сам ушел на фронт в 16 лет?"

Теперь бывший танкист считает, что его внук был прав. По словам Авиоза, именно от дедушки он научился патриотизму. Деген на это говорит, что не стремился нарочно прививать внуку любовь к еврейскому государству. "Он просто видел, как мы с женой любим Израиль и понимал, что по-другому не может. Все в Израиле должны быть патриотами, так как у нас нет другой страны, только здесь евреи могут чувствовать себя защищенными", - сказал Деген. Однако ветеран считает, что израильской молодежи также необходимо знать историю Второй мировой войны. "Без этого не может вырасти новое поколение", - убежден Деген. На его взгляд, война с нацизмом, в которой участвовали полтора миллиона евреев, - такая же неотъемлемая и важная часть еврейской истории, как восстания Бар-Кохбы или Маккавеев. "В Красной армии служили 500 тысяч евреев, 40% из которых погибли. Евреи отличались своей храбростью, но из-за антисемитизма им не давали заслуженные звания Героев СССР", - говорит Деген, который сам дважды был представлен к этому почетному званию, но так и не получил его.

Ветеран сожалеет о том, что современные молодые израильтяне недостаточно хорошо знают этот важный период истории, но его внук точно не из их числа. Авиоз вырос на рассказах деда о войне. "Поскольку я плохо владею русским, отец каждую субботу переводил мне стихи и рассказы дедушки, основанные на реальных событиях. И я с нетерпением ждал следующей субботы, чтобы послушать их", - говорит лейтенант.

Лейтенант признается, что, хотя в Израиле День Победы не является государственным праздником, для него это очень важный день. "Для меня эта дата, как второй день рождения дедушки. Я ему обязательно звоню и поздравляю", - говорит Авиоз.

Сходство деда и внука не ограничивается военным аспектом. Сейчас Авиоз заканчивает Технион – с отличием.

Перехожу к 4-й категории.

6-го мая 2018 года ко мне обратился неизветный мне дотоле Юрий Краснопольский из Нью-Йорка:

"Юра, здравствуйте.

Я решил подготовить к изданию бОльшую часть того, что написал ваш покойный папа, благословенна память его".

Я ответил:

"Дорогой Юрий!

Одобряю и благословляю.

Кстати, папа приготовил книгу под названием "Попытка уйти от себя", на посмертное издание которой он надеялся. Это сборник рассказов, связанных общей нитью.

Некоторые из них уже были ранее опубликованы. Посылаю Вам эту книгу".

Юрий Краснопольский вложил душу в подготовку книги к изданию, которое не произошло бы без его бескорыстного энтузиазма и в высшей степени эффективной технической помощи Михаила Черпакова.

Проф. Александр Гордон написал (МЫ ЗДЕСЬ, №572) даже не рецензию, не отзыв, а очень искреннее, теплое рассуждение об авторе и его книге. Оно заканчивается так:

"Как появилась на свет посмертная книга Врача, Воина, Рассказчика? Ответ на этот вопрос я получил в надписи на моем экземпляре книги: «Дорогому Саше от сына автора, который выполнил предсмертную волю любимого отца и позаботился об издании этой книги. С любовью и благодарностью за все. Юра Деген». Эта надпись была сделана на свадьбе внучки Иона Вардины 16 августа 2018 года. Юрий не только сын Иона, но и его самый большой друг и единомышленник. В нем не только течет кровь отца, но и живет его дух. Спасибо тебе, Юра, за эту книгу".

На свадьбе Вардины, 16 августа 2018 года.

15 [Апреля](#) 2020 г. в журнале "Мастерская" появилась публикация **"Ион Деген: Посвящено друзьям. Подготовка к публикации и предисловие Якова Махлина"**.

Глубокоуважаемый и любимый папой (а, следовательно, и мной) Яков Махлин рассказывает там о стихотворных речах, которые папа читал на т.н. "юбилеях" (каждые 5 лет) выпуска его воистину уникального курса Черновицкого мединститута.

Я случайно наткнулся на эту публикацию, и не смог не отреагировать: "При всей благодарности и признательности, я не мог не удивиться выбору строк из папиных "юбилейных" речей, представленных на суд читателя. Этот выбор, несомненно, искажает впечатление от речей. Может, я пришлю глубокоуважаемому редактору полный текст, а уж он решит, публиковать ли его полностью, а если нет, то, как именно сократить?"

Редактор ответил немедленно: *"Замечательная инициатива, уважаемый Юрий Деген! Мы можем только приветствовать. И разумеется, тексты Иона Лазаревича будут опубликованы со всей бережностью и осознанием важности сохранения творческого наследия Иона Дегена.*

...

Ион Лазаревич был 14-кратным победителем и лауреатом наших конкурсов «Автор года». Но дело не только в любви читателей, голосовавших на конкурсах. Масштаб личности Иона Дегена ещё предстоит осознать будущим историкам и литературоведам, наша же задача — сохранить, насколько это в наших силах, максимально полный и аутентичный, без искажений и лакун, корпус его текстов (включая и так называемые «маловажные», «несерьёзные» и т.п. произведения). Так что, мы будем рады продолжить публикацию текстов Иона Дегена в сотрудничестве с его сыном и законным правопреемником".

На этом основании я отправил создателю и главному редактору Портала «Заметки по еврейской истории» (включающего альманах «Еврейская старина, «Семь искусств» и «Мастерская») Евгению Берковичу полный текст "юбилейных" речей (опубликованных в книге "МОИ ОДНОКУРСНИКИ", Чикаго, США, 2015); последние, неопубликованные папины рассказы "Суд", "Одни сутки в больнице", "Если бы не эскалатор" и "Память"; и два моих очерка: о стихотворной переписке между папой и проф. Юрием Холодовом (как [Приложение](#) к "юбилейным" речам, опубликован в "Заметках по еврейской истории", [№8-10\(225\)](#), 2020) и "Последнее стихотворение Иона Дегена" (опубликован в "Заметках по еврейской истории", [№5-6\(223\)](#), 2020).

Последнее стихотворение и другие стихи, приведенные в этом очерке, я бы хотел привести и здесь:

Люсе

Не посвящал Тебе стихов.

Не оглашал святого чувства.

Души мистический покров

Не смел распахивать в искусстве.

То, что сильнее всех идей,

Поэзией не растасуешь.

Так верующий иудей

Не называет Имя всуе.

2003.

ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Люсе

*Что это – хула? Знать мы не могли,
Слепые атеисты без осечки.
За жалкие последние рубли
Купил я обручальное колечко.*

*Ни свадьбы, ни жилища. В шалаше,
Как говорится, счастье разделяли
Такой алмаз любви сверкал в душе,
Что скромности кольца не замечали.*

*Полвека с лишним – быстрая река.
Когда в субботу зажигаешь свечи,
Любуюсь, как изящная рука
Сверхдрагоценным делает колечко.*

26.09.2008

СМЫСЛ МОЛИТВЫ

*Проснувшись, голос к Небу обращал:
- Спасибо, что создал меня мужчиной.
А смысл молитвы поздно осознал,
Уже седой, уже лета в морщинах.*

*Я благодарен за мужскую стать,
Но только лишь с женой чего-то стою.
Будь женищиной, сумел бы я познать
Подарок этот – жизнь с такой женою?*

7.06.2011 г.

...

*Бархат, вдруг превращённый в дерюгу
Вызывает в стабильность сомненья.
Можно ль верить ближайшему другу?
Можно, следуя лишь убежденью:*

*На Земле нет надежнее друга,
Чем подарок от Бога - супруга.*

28.03.2014 г.

Люсе.

*Не проронил ни звука, даже вздоха.
Не предъявлял претензии судьбе.
Когда по-настоящему мне плохо,
Я думаю лишь только о тебе.*

29.08.2014 г.

Люсе.

*Удивляют сплетения жизненной пряжи.
Налитое вроде испито до дна.
Подруги твои уже вдовы со стажем,
Едина ты с мужем, как личность одна.*

*К тому ж, разве это не дивное диво?
Мужей овдовевших подруг, на войне
Война, не задев их здоровых, красивых,
На мужа твоём расписалась вполне.*

*Служенье и жизнь крепко спаяны, даже,
Когда не сподобились их проявить.
Подруги твои уже вдовы со стажем,
А ты? Продолжаешь ты мужа хранить.*

*Так долгие годы тепло и терпимо,
Умело хранишь ты. Зачем? Для чего?
Пути Его, знаем, неисповедимы.
Лишь следовать надо веленьям Его.*

5.04.2015 г.

И последнее стихотворение:

***Поклонников отшив, ты выбрала меня.
Не думаю, что лучшего из всех.
И не промолвила до нынешнего дня,
Был выбор тот ошибка, иль успех?***

***Смогли с тобой в семье условия создать
Цветам любви на доброте расти.
С последним выдохом успеть бы мне сказать:
- Прощай, моя любимая. Прости.***

?.02.2017 г.

И ещё цитата из очерка:

Мама склонилась над телом, и, обнимая и целуя его, дала однозначный ответ на вопрос, заданный в последнем стихотворении, о котором ни она, ни я в тот момент ещё не знали. Из всех выражений нежности и любви мне особенно врезалось в память "золотой мой мальчик".

"Золотой мой мальчик" — так меня называла Алёна и до того, как я рассказал ей об авторстве этих слов. (И продолжает называть.)

Тем временем, Юрий Краснопольский продолжал выполнять своё намерение подготовить к изданию часть того, что написал папа. Снова с исключительно эффективной технической помощью Михаила Черпакова, в октябре 2020 г. в

издательстве "Семь искусств" под руководством Евгения Берковича вышло в свет 2-е издание книги "ИЗ ДОМА РАБСТВА" с замечательным предисловием **Семена Резника**, в котором, среди прочего, сказано:

Может быть, особенно поучительны страницы книги, посвященные сыну Иона Дегена Юрию, который, незаметно для отца, из послушного ребенка вырастает в самостоятельного молодого человека. Он раньше своих родителей освобождается от доктрин марксизма-ленинизма и приходит к пониманию, что выхода нет, а есть исход. Он прямо заявляет отцу, что в доме рабства не останется. И этим помогает Иону расстаться с последними рудиментами «советскости».

А я написал эпилог – "**Продолжение пути Иона Дегена ИЗ ДОМА РАБСТВА**", – опубликованный и в "Заметках по еврейской истории", [№7\(224\)](#), 2020.

Он заканчивается словами:

"Нет сомнения – Ион Деген достойно завершил свой путь ИЗ ДОМА РАБСТВА".

Этот удивительный Ион!

Любые воспоминания о чем-то
всегда оказываются
воспоминаниями о самом себе.

/Роберт Рождественский/

И это действительно так...

Я благодарна Богу за то, что мне повезло в жизни встретиться с этим необыкновенным Человеком.

Большое счастье было с ним общаться - доброжелательным, мудрым, талантливым. Деген был врачом от Бога. Он сочувствовал больному, переживал вместе с ним его боль.

Я сохраню до конца своих дней светлую память об Ионе Лазаревиче Дегене, с которым меня свела судьба.

В годы учебы в институте меня направили со студенческим отрядом в колхоз для уборки урожая. Однажды, при посадке в кузов машины, я ударилась о борт и произошло смещение диска позвоночника. На протяжении многих лет я испытывала боли в пояснице и ногах. Я принимала радоновые ванны, грязи, ездила в санатории, лечилась у разных врачей. Боли временами ослабевали, потом снова усиливались. В 1973 году меня направили в Киевский институт нейрохирургии, где я прошла 3-х недельный курс обследования. Помню, после пункции позвоночника у меня настолько упало давление спинномозговой жидкости, что врачи испугались. Я почти две недели не могла пошевелиться от болей.

Перед выпиской из стационара Киевского института нейрохирургии меня с мужем пригласил к себе в кабинет профессор, доктор медицинских наук. Он нам назвал диагноз, поставленный в институте – «облитерирующий эндартериит обеих нижних конечностей». Он также сказал, что это заболевание медицина в настоящее время лечить не умеет, и если состояние ухудшится, то мне грозит ампутация ног. А пока профессор посоветовал побольше ходить и довольный собой сказал: «Жизнь это движение».

Мы ушли из института нейрохирургии в подавленном состоянии. У меня началась депрессия, по ночам из-за болей не могла спать. Я представляла себе, что стану инвалидом, - а мне ещё не было и 40 лет...

Мое настроение и подавленное состояние не могли не заметить на работе. Ко мне подошла моя добрая знакомая Люся Деген, с которой мы вместе работали. Это была красивая и замечательная женщина. Люся работала руководителем группы в

архитектурно-строительном отделе, а я - руководителем группы КИП и А в электроотделе.

Я откровенно рассказала Люсе о своих переживаниях. Люся сказала: «А почему тебе не пойти к моему Йоне? Он прекрасный ортопед!»

Так я познакомилась с Йоном Лазаревичем Дегеном.

В назначенное им время мы с мужем пришли в поликлинику в центре Киева, рядом с Владимирской горкой, напротив филармонии. В этой поликлинике Ион Лазаревич, защитивший кандидатскую диссертацию, а затем и докторскую, работал рядовым врачом-ортопедом.

Деген с озабоченным видом ознакомился с заключением Киевского института нейрохирургии. Затем он осмотрел мой позвоночник и ноги. Надо было видеть, как менялось выражение его лица !!!

Оно просветлело, затем он начал улыбаться! Я с мужем на всю жизнь запомнили сказанные им слова: «Вы можете обмануть кого угодно, но не меня. Я явно чувствую пульс на обеих Ваших ногах! Никакого «облитерирующего эндартериита» у Вас нет! » Он явно был счастлив, а я от его слов расплакалась...

Ион Лазаревич предложил мне поехать в Москву, где у его знакомого ортопеда в больнице имелась барокамера. В Москве тоже отвергли страшный диагноз, поставленный в Киевском институте нейрохирургии.

Вернувшись в Киев, я начала ходить в поликлинику на лечение к доктору Дегену, где делала упражнения на машине с педалями, которую он изобрёл. Ещё он накладывал мне на позвоночник, так называемые, магнитофоры. Они были прямоугольной формы и выглядели, как обычный линолеум.

Магнитофоры тоже были изобретены доктором Ионом Дегеном. Он открыл новое направление в ортопедии - магнитотерапию.

Только потом я узнала, что Ион Лазаревич после ранений в годы Великой Отечественной войны испытывал жесточайшие боли и знал не понаслышке, что такое боль. Так после ранения в 1941 году его нога была так изуродована, что лечащий врач предложил ему ампутацию ноги, но Деген отказался... Чудом ему удалось спасти ногу. Ему было всего шестнадцать лет !

Я постоянно ощущала его сочувствие и сопереживание. В результате лечения мое состояние улучшилось, сон нормализовался.

Я спросила Иона Лазаревича как я могу отблагодарить его за лечение?

Он рассмеялся: «Взятки я беру только книгами и долгоиграющими пластинками.» Я, конечно, подарила ему книгу. В квартире Дегена я видела огромное количество книг. Все стены его квартиры были заставлены от пола до потолка полками с книгами.

Ион Лазаревич был очень обаятельным человеком, много знал, имел большой жизненный опыт и в то же время был очень скромным - никогда не говорил о своих успехах, достижениях, знакомстве с выдающимися деятелями медицины, науки и культуры,

Жизнь и судьба этого Человека - храброго воина-танкиста, фронтового поэта в годы ВОВ и выдающегося врача, ученого, изобретателя в послевоенной мирной жизни - удивляет и восхищает:

В июле 1941 года (в 16 лет) он добровольцем ушел на фронт, выходя из окружения, был ранен в ногу, переплыл р. Днепр, попал в госпиталь, а после выздоровления в 1942 году снова добровольцем ушел на фронт - уже на Кавказе, где опять был ранен... После выздоровления, окончив танковое училище, он был снова весной 1944 года направлен на фронт командиром танка. На фронте Ион проявлял образцы смелости, мужества, героизма. Осенью 1944 года немцы подбили его танк. Все члены экипажа погибли, а Иону чудом удалось спастись. Дегена тоже включили в списки погибших. И на памятнике над братской могилой танкистов среди других имён выгравировали и его

имя. Через много лет Ион Деген с женой и уже взрослым сыном посетил этот памятник и возложил цветы погибшим товарищам.

В годы ВОВ И. Л. Дегена дважды представляли к высокому званию Героя Советского Союза, но не дали..., награждая его другими орденами.

В стране в послевоенные годы расцветал антисемитизм (как государственный, так и бытовой). Особенно это чувствовалось в Киеве и болезненно воспринималось врачами и деятелями культуры.

Вспоминается мне прекрасный киевский кардиолог Полисский, у которого я лечилась. Он спас многих людей от смерти. Однажды в больницу привезли больного, которому срочно требовалась донорская кровь, а нужной группы крови не было. Доктор Полисский, не задумываясь, предложил прямое переливание своей крови и лёг на рядом стоящую кушетку. После переливания пациент пришёл в себя и его перевели в палату. На следующий день медсёстры рассказали больному, кому он обязан своим чудесным спасением и услышали от него: «Да лучше, чтоб я умер, чем чтоб теперь в моих жилах текла жидовская кровь.»

У Иона Лазаревича была еврейская внешность. Он болезненно воспринимал антисемитские высказывания. За слово «жид» бил нещадно. При последнем ранении ему оторвало пятку ноги. Он носил протез и опирался на палку. Палка была очень тяжёлая, изготовлена по заказу. Весила она более 5 кг, так как внутри была залита свинцом. Ион Лазаревич любил ходить по Владимирской горке, парку им. Ватутина, склонам Днепра.

Однажды к нему пристала местная группа подвыпивших подростков, а один из них обозвал его «жидом». Ион так ударил его палкой по ноге, что тот упал. Остальные молодчики в страхе разбежались. На следующий день очень высокопоставленные родители привезли своего отпрыска к Дегену на прием и были ужасно удивлены, что этот известный доктор избил их сына...

После окончания с отличием Черновицкого мединститута в 1951 году Деген по направлению ОК Минздрава Украины пришёл на работу в больницу. Директор посмотрел на его китель, увешанный орденами, медалями, польскими крестами и, улыбаясь, спросил: «Сколько стоят медали в Ташкенте?» За этот вопрос директор получил такой удар в лицо, что свалился со стула. В Минздраве Украины скандал замяли...

Однажды, когда я с Ионом Лазаревичем шла по коридору поликлиники, где вдоль стен сидели больные, ожидая очереди к врачу, он указал мне на одного молодого мужчину и сказал: «Видишь, я спас этому человеку ноги, а он даже со мной не здоровается. Есть и такие люди... Жаль.»

Из Киева Иону Лазаревичу пришлось ехать защищать как кандидатскую диссертацию в 1965 году, так и докторскую в 1973 году в Москву...

В 1977 году Ион Лазаревич Деген с семьёй эмигрировал в Израиль.

Таких людей, как Ион Деген, мне больше не пришлось встретить в своей жизни.

О замечательном Человеке - ученом, докторе, поэте Ионе Лазаревиче Дегене написали в своих воспоминаниях Евгений Евтушенко, Александр Бовин и многие другие известные всему миру люди. Евгений Евтушенко специально приезжал в Израиль для встречи с автором, как он считал, лучшего стихотворения о ВОВ: «Мой товарищ в смертельной агонии...». Александр Бовин в своей книге «Записки ненастоящего посла» тоже пишет об этом стихотворении, как о лучшем стихотворении о войне, и приводит его в книге полностью, указав, что «его написал раненный - перераненный танкист, гвардии лейтенант Ион Деген» - Человек, достойный, чтобы о нём знали и чтобы его помнили люди.

СВЕТЛАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ!!!

Слово Доктора!

Мне посчастливилось встретить врача, который лишь одним словом изменил душевное состояние как моей жены Софии, так и моё. У нас обоих было подавленное состояние безысходности лечения обеих ног моей жены. Она длительное время страдала от болей в ногах.

Ион Лазаревич Деген вселил в нас надежду на возможность избавиться от этих болей. Я видел его один раз в жизни (в 1973 году), когда волею Случая жена и я пришли к нему на прием. Я запомнил встречу с Ионом Дегеном на всю жизнь.

Доктор Деген отверг страшный диагноз, поставленные в Киевском институте нейрохирургии. Я видел, как он искренне радовался вместе с нами. Это незабываемо! Я был свидетелем, как заметно улучшилось самочувствие и настроение у моей жены после лечения магнитофорами, которые изобрёл и на практике применил Ион Лазаревич Деген. У жены уменьшились боли в пояснице и ногах, нормализовался сон, улучшилось общее ее состояние. Всё это он делал бескорыстно, искренне радуясь улучшению здоровья жены.

Вот это - настоящий Доктор!

Много позже, находясь уже в эмиграции, я узнал, что Судьба свела меня с удивительным Человеком, легендарной личностью. Даже краткие сведения о нём восхищают.

Как много успел сделать этот Человек за прожитую жизнь!

Ион Деген в 16 лет (в начале июля 1941 года) добровольцем пошел на фронт. Он был дважды “похоронен”, трижды оказывался в госпиталях после тяжелейших ранений. Из его тела в госпиталях извлекли 22 осколка и пулю, а один осколок остался в мозгу. Танк, которым он командовал, уничтожил 12 танков, 4 самоходных орудия, много минометов, пулеметов, и живой силы немцев.

Ион Деген был дважды представлен к званию Героя Советского Союза. Он был фронтовым поэтом, написал много прекрасных стихов, в которых отразил события того времени. После ВОВ он с отличием окончил медицинский институт, стал врачом-ортопедом, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В 1959 году Деген выполнил первую в мире реплантацию руки. Ион Деген первым в мире применил магнитофоры для лечения ортопедических заболеваний, открыв новое направление в ортопедии - магнитотерапию.

Ион Деген проработал 46 лет врачом-ортопедом (в г.Киеве-26 лет и 20 лет - в Израиле, куда репатриировался в 1977 году). Это тоже подвиг для человека, которого признали инвалидом в июне 1945 года, сразу после ВОВ.

Живя в Израиле, Ион Деген посетил много стран, опубликовал прекрасные стихи и рассказы.

Скоро четыре года, как Ион Деген умер.

Вечная слава Герою Великой Отечественной войны Иону Дегену!!!

Низкий поклон от всех больных (и их близких), которым он помог за время своего нелегкого труда после Великой Отечественной войны!
Пусть память об Ионе Лазаревиче Дегене сохранится у наших детей и внуков!

Фронтальной осколок

Жизнь наградила меня многолетней дружбой с человеком неординарной судьбы - доктором медицинских наук Ионом Лазаревичем Дегеном. Имя Ион в переводе с иврита означает голубь. Однако по характеру Ион Лазаревич был больше похож на ястреба, чем на голубя. Уже первая встреча с ним подсказала мне путь избавления от чертовой пятой графы, которая пиявкой впилась в меня в момент рождения и вечно напоминала о себе, становясь поперек дороги. Встреча, о которой речь, случилась то ли через два, то ли через три года после того, как я окончил медицинский институт, т.е. где-то в 1964 или 1965 году. Все началось с того, что меня после изнурительного операционного дня в коридоре дарницкой районной больницы остановил заведующий хирургическим отделением Максим Максимович Варфоломеев. Рабочий поселок Дарница, расположенный на левом берегу Днепра, сравнительно недавно стал частью города Киева, и Максим Максимович временно исполнял обязанности главного хирурга горздравоотдела. Варфоломеев задал вопрос, явно не относящийся к моей работе врача-анестезиолога:

- Скажи, юноша, ты бывал на знаменитой танцплощадке «Жаба»?

- Нет, - ответил я, не понимая, к чему он клонит.

- А ты хотя бы заешь, где эта «Жаба» находится?

- Кажется, где-то на Петровской аллее.

- Тебе правильно кажется. Так вот, напротив «Жабы» с другой стороны аллеи расположена вторая печерская больница. Завтра к восьми утра придешь туда и спросишь доктора Иона Лазаревича Дегена. Он будет оперировать какого-то важного больного. Обеспечишь наркоз...

- Не знаю, Максим Максимович, справлюсь ли я. Чужая больница, незнакомая обстановка...

Варфоломеев не дал мне договорить.

- Справишься. Предстоит операция не на влажном легком, чего я бы тебе не доверил, а всего лишь на нижней конечности. Для анестезиолога это очень легкий наркоз. Тем более, что пациент - человек молодой. Никаких сопутствующих заболеваний и отягощающих факторов у него нет.

Я продолжал отказываться, но Максим Максимович к моим доводам не прислушивался и предупредил, что доктор Деген человек непредсказуемый - коммунист, инвалид отечественной войны, у него в голове до сих пор сидит фронтальной осколок. Поэтому он может на ровном месте вспылить, обидеть и даже пустить в ход кулаки. Говорят, что Деген дал по морде директору Института усовершенствования врачей профессору Кальченко, когда тот, взглянув на увешанную орденами грудь Иона Лазаревича, ехидно заметил, что он забыл нацепить свою главную награду - медаль «За взятие Ташкента». Ион Лазаревич вскипел и так долбанул по хлебальнику, что у директора кровь хлынула

из носа. Выдержав паузу, Варфоломеев наказал мне вести себя скромно и держать язык за зубами.

Утром следующего дня, минут на пятнадцать раньше назначенного времени, я вошел в вестибюль второй печерской больницы, однако дежурная санитарка меня внутрь не пустила. Она не поверила, что я врач. В свои двадцать пять лет из-за худобы и по-детски наивного выражения лица я был похож на старшеклассника, в крайнем случае, на студента, но никак не на врача. Тем более, опытного, которого пригласили на операцию в чужую больницу. А больницы в те времена были наглухо закрыты. Посторонним вход воспрещен. Родственникам больных для посещения были отведены строго определенные часы, обычно во второй половине дня, когда обходы врачей, перевязки и прочие процедуры были уже позади.

После некоторых пререканий санитарка все же согласилась найти доктора Дегена и сообщить ему, что пришел какой-то врач из горздравотдела. Через несколько минут в вестибюль больницы, прихрамывая, вышел плотный мужчина лет сорока. Это был Ион Лазаревич Деген. Он скользнул глазами по мне, осмотрелся и спросил санитарку, где здесь доктор Тверской. В вестибюле кроме меня никого не было. Убедившись в этом, Ион Лазаревич остановил на мне свой взгляд и с некоторым недоверием спросил, действительно ли я тот самый доктор Тверской, которого главный хирург прислал на операцию. Я утвердительно кивнул головой, и Деген проводил меня в палату, где лежал наш больной. Это был молодой парень, спортсмен, которому предстояла операция на коленном суставе. Пока я его осматривал и задавал стандартные для такой ситуации вопросы, Ион Лазаревич стоял в стороне и молчал. Потом он проводил меня в операционную. К счастью, там был чешский наркозный аппарат «Хирана», с которым я был знаком. Минута ушла на проверку исправности аппарата, еще три-четыре минуты потребовались, чтобы заполнить шприцы необходимыми медикаментами, и я сказал, что хирургам можно начать мыть руки, а дежурному санитару привезти в операционную больного. Мне довольно легко удалось ввести пациента в наркоз, вставить в трахею дыхательную трубку и подключить больного к наркозному аппарату. Искусственную вентиляцию легких я проводил вручную. При работе автомата в контакте с больным теряются нюансы, тем более что никакой контрольной аппаратуры (сердечный ритм, нейростимулятор, оксигенация крови и т.д.) не было. Все эти функции выполняли мои глаза и мои руки. Когда Ион Лазаревич в стерильном халате вошел в операционную, больной уже спал.

- Вы что, уже ввели больного в наркоз? – удивился он.

- Да, больной спит.

- Я могу приступить?

-Конечно.

Я привык, что многие хирурги нервничают во время операции, кричат на ассистентов и на операционную сестру, если она замешкается или, не дай бог, подаст не тот инструмент. Ничего подобного не было. Ион Лазаревич оперировал спокойно, уверенно, не суетился и был вежлив со своими помощниками.

Теперь небольшое отступление. Медицине известна группа препаратов, которые вызывают у людей ретроградную амнезию. Этим термином врачи называют состояние, когда человек помнит все, что было до определенного события, а о самом событии не помнит. Применительно к наркозу это означает, что больной пробуждается с теми мыслями, которые были у него до операции, а о самой операции ничего не знает. Я не преминул этим воспользоваться. Наш больной открыл глаза с последним швом на рану и сказал:

- Ион Лазаревич, я устал ждать. Когда Вы, наконец, начнете оперировать?

Больной не верил, что все уже позади, что операция окончена. Деген был удивлен таким ходом событий и выразил мне свое восхищение:

- Да вы просто фокусник, а не врач. Спасибо, коллега.
Я смутился, а больной все не мог поверить, что операция окончена, и несколько раз переспросил, так ли это. Деген был в хорошем настроении. Он сказал, что хотел бы ближе познакомиться со мной, поговорить и пригласил к себе домой вместе пообедать. После двух рюмок перцовки Ион Лазаревич стал наизусть читать стихи:

А мой хозяин не любил меня.
Не знал меня, не слышал и не видел,
но все-таки боялся как огня
и сумрачно, угрюмо ненавидел.

Когда пред ним я голову склонял -
ему казалось, я улыбку прячу.
Когда меня он плакать заставлял -
ему казалось, я притворно плачу.

А я всю жизнь работал на него,
ложился поздно, поднимался рано,
любил его и за него был ранен.
Но мне не помогало ничего.

А я всю жизнь возил его портрет,
в землянке вешал и в палатке вешал,
смотрел, смотрел, не уставал смотреть.
И с каждым годом мне все реже, реже
обидною казалась нелюбовь.
И ныне настроенья мне не губит
тот явный факт, что испокон веков
таких, как я,
хозяева не любят.

Перцовка ослабила мою скованность, я осмелел и сказал:

- Не уважаю Слуцкого
- Почему? Он хороший поэт.
- Поэт он, конечно, неплохой, но душа у него заячья.
- Не говорите так. Это несправедливо. Борис Абрамович прошел войну. Начинал рядовым пехотинцем, а закончил гвардии майором. Был неоднократно ранен, но каждый раз вопреки запрету врачей возвращался в строй. Так что «заячья душа» это не про него, трусом он точно не был.
- На войне не был, а на собрании московских писателей наложил в штаны и выступил с осуждением Пастернака, голосовал за его исключение из Союза писателей.
- Не судите, да не судимы будете. Нельзя так резко охаивать человека. Еще неизвестно, как бы мы с вами поступили, оказавшись на том собрании.

Ион Лазаревич замолчал, задумался, внимательно посмотрел на меня:

- Вы молодой способный врач. Почему вы работаете в районной больнице? Вам надо перейти в солидную клинику, а еще лучше поступить в аспирантуру, заняться научной работой, начать писать диссертацию. В районной больнице у вас нет перспективы роста. Так и останетесь рядовым врачом. А известно, что плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.

- Ион Лазаревич! Я пытался перейти в солидную клинику. Неоднократно пытался. Но всюду получал от ворот поворот. И в аспирантуру дважды подавал документы. Кандидатский минимум сдал на все пятерки. Но меня не приняли.

- В Институте ортопедии профессор Бабич ищет врача-анестезиолога. Обратитесь к нему. Борис Карлович Бабич серьезный специалист, руководит солидной клиникой. Думаю, он вас возьмет.

- Я был у профессора Бабича. После беседы со мной Бабич позвонил директору Киевского института травматологии и ортопедии Ивану Пименовичу Алексеенко и сказал, что нашел анестезиолога для своего отдела. Доцент Алексеенко уделил мне меньше минуты внимания. Не глядя в мою сторону, пролистал документы и хрипло произнес, что они ищут опытного врача, а я еще молод и таковым не являюсь. Беда в том, что всюду нужны не специалисты, а национальные кадры. А меня не та мама на свет родила. Этого исправить нельзя. Придется смириться с создавшимся положением и перестать рыпаться. Другого выхода нет.

- Есть выход.

- Какой?

- В Израиль надо ехать. Там ваше будущее.

Услышав эти слова, я потерял дар речи. Было ощущение, что меня окатили ушатом холодной воды. Это потом, спустя несколько лет, после победы в Шестидневной войне, слово Израиль стало притчей во языцех. А тогда произнесенное вслух это слово было подобно ругательству. Я об Израиле ничего не знал. Даже не знал, где этот Израиль находится на карте. Сказанное Ионом Лазаревичем ввергло меня в шок. Я испугался и вспомнил, что у доктора Дегена сидит в мозгу фронтовой осколок, который, видимо, в этот момент проснулся и заговорил. Я стал искать повод как можно быстрее улизнуть восвояси. Видя мое замешательство, Ион Лазаревич с улыбкой сказал:

- Недалек тот час, когда мы с вами встретимся в Израиле, и я надеюсь, что нам будет, о чем поговорить...

Эти слова оказались пророческими.

КНИГА ДЕГЕНА – НА ИВРИТЕ

(Из истории подготовки первого ивритского издания Иона Дегена)

Насколько непредсказуемы бывают причины появления на свет того или иного издания свидетельствует и эта невыдуманная история.

Началось с того, что мой московский товарищ Борис Хайкин – член Национального союза библиофилов (НСБ) – на одной из наших традиционных ежегодных встреч обратился ко мне с просьбой помочь ему приобрести сборник **«Стихи из планшета гвардии лейтенанта Иона Дегена»**, вышедший в 1991 г. в Израиле. Я знал, что такой поэт и публицист, легендарный герой-танкист живет в нашей стране, но, к своему стыду, практически ничего не читал из его произведений. Когда я спросил Бориса, почему его так интересует именно этот сборник Дегена, он ответил, что видел его у знакомых и там помещено одно из наиболее сильных стихотворений о войне, когда-либо им прочитанных. И тут же прочел его наизусть:

Мой товарищ, в смертельной агонии

Не зови понапрасну друзей.

Дай-ка лучше согрею ладони я

Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,

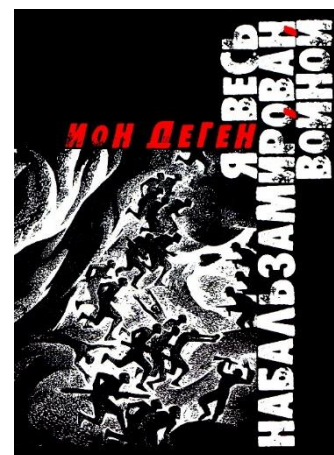
Ты не ранен, ты просто убит...

Дай на память сниму с тебя валенки –

Нам еще наступать предстоит.

Не скрою, что и меня это стихотворение потрясло... И тогда я пообещал Борису, что сделаю все возможное, чтобы достать этот сборник. Вернувшись в Иерусалим, я тут же позвонил знакомому букинисту и спросил его об этой книге. Он ответил, что она встречается крайне редко, и в настоящее время ее нет в магазине. Я еще дважды, с разрывом в две недели, связывался с букинистом, но книга так и не появилась. Тогда я через знакомого писателя узнал домашний телефон Иона Дегена. Позвонил, трубку сняла женщина (как я узнал позже, это была его жена Люся) и позвала к телефону Иона. Я представился и объяснил причину моего звонка. Он ответил, что, к сожалению, этот сборник давным-давно разошелся, но недавно, в Новосибирске, вышла другая его книга: «Я весь набальзамирован войной...», где кроме стихов помещено немало его рассказов, в том числе о прошедшей войне. И сообщил мне, что ее издателем был д-р технических наук Юрий Солодкин, бывший житель Новосибирска, а с 1997 г. – профессор одного из американских университетов. Деген предложил мне связаться с Солодкиным по электронной почте, т.к. весь тираж находится у него, и договориться о приобретении книги. И тут я вспомнил, что Солодкин во время визитов в Израиль, где живут двое его сыновей, дважды выступал на заседании нашего Иерусалимского клуба библиофилов с презентацией своих стихотворных сборников. Я поблагодарил Иона за

совет, испросив разрешения в дальнейшем навестить его для получения автографов для нас с Борисом. Через некоторое время я уже держал в руках книгу Иона и перед встречей с ним решил прочесть ее. Сборник предваряет большая статья Юрия Солодкина «Слово об Ионе Дегене», где он довольно подробно и ярко повествует о сложной, во многом героической и необыкновенной жизни автора книги. Предваряет это жизнеописание рассказ о первом знакомстве Юрия со знаменитым стихотворением Дегена, о котором шла речь в начале этой статьи:

Я люблю листать толстенный том антологии русской поэзии «Строфы века». Сборники стихов обычно называют «братскими могилами», потому что кроме авторов они мало кого интересуют. Антология Евгения Евтушенко этому определению не соответствует. И вот на стр. 701 обнаруживаю совершенно незнакомое имя: Ион Деген. Обратила на себя внимание преамбула, намного более длинная, чем короткое, из восьми строк, стихотворение. Цитирую Евтушенко: «...эти стихи наизусть читали и Луконин, и Межиров, Гроссман процитировал их в романе “Жизнь и судьба” – и все они были уверены, что анонимный автор убит». Далее в преамбуле говорится о чудесном воскрешении и удивительной судьбе автора стихов Иона Дегена...

После статьи Солодкина я просмотрел, что написано об этом легендарном человеке в Википедии и в других интернетных публикациях... Получив необходимую и довольно впечатляющую информацию об этом незаурядном и многогранно талантливым человеке, а также имея в руках два экземпляра новосибирского сборника, я решился вновь побеспокоить Иона Дегена. Созвонившись, мы договорились о встрече в середине октября 2013 г. Ион жил на первом этаже многоэтажного дома в небольшом красивом городке Гиватаим, что близ Тель-Авива. Ему в то время было уже 88 лет, но он выглядел гораздо моложе. А главное, в нем гармонично сочетались мудрость прожитых лет, чувство юмора, открытость к восприятию всего нового, самокритичность по отношению к себе и

своему литературному творчеству. Мы тепло пообщались. Ион – замечательный рассказчик и меня так захватила одна из его историй, что я не заметил, как прошло два часа...

Конечно, Ион с удовольствием подписал две привезенные мною книги. В свою очередь, я подарил ему и Люсе, участвовавшей в нашей

Ион Деген и Леонид Юниверг. 15 окт. 2013 г.

беседе, две книги из художественных изданий, вышедших в моем издательстве «Филобиблон». Внимательно рассмотрев их, Ион с сожалением заметил, что его книги, за исключением последней, выпущенной в Новосибирске в 2012 г., изданы далеко не на том уровне, как только что

подаренные ему. И вдруг спросил: «А вы бы не взялись за издание новосибирской книги в переводе на иврит? Нам с женой очень хотелось бы, чтобы наши внуки, не знающие русского языка, смогли бы прочесть мои рассказы, особенно о войне».

Я ответил, что с удовольствием бы это сделал, но боюсь, что они не смогут оплатить стоимость перевода, которая минимум в два раза выше затрат на само издание.

Услышав приблизительную сумму за перевод, Ион и Люся тяжело вздохнули и развели руками. Прощаясь, они решили все же не отказываться от этой мечты, а я пообещал подумать, как можно преодолеть столь серьезный барьер...

Прошло около года, и в середине августа 2014 г. неожиданно узнаю, что в Москве существует Институт перевода, и что они принимают заявки от издательств на перевод русскоязычных произведений на иностранные языки. Я вошел на сайт этого Института и увидел, что срок подачи заявок на 2015 год истек 31 июня, т.е. я опоздал на полтора месяца... Все же решил поговорить с координатором этого проекта, чей телефон был указан на сайте. Я рассказал об Ионе Дегене и о том, что в начале июня 2015 г. ему исполняется 90 лет, и это почти совпадает с 70-летием Дня Победы, а потому важно издать его книгу именно к этому сроку... Меня любезно выслушали, но сказали, что через три дня они передают уже подготовленные заявки в Экспертный совет, а потому лучше спокойно собрать необходимые документы (а их около десятка!) и подать на конкурс уже на 2016 год... Тогда я предпринял отчаянный и почти авантюрный шаг, заверив, что мне достаточно трех дней, чтобы собрать все документы... «Ну что же, в виде исключения и приняв во внимание возраст автора, – ответили мне, – попытайтесь успеть, но, увы, мы сомневаемся, что вам это удастся...» На этом мы расстались.

Опуская подробности моих интенсивных переговоров со всеми участниками будущего проекта, которые тут же оценили ситуацию и сделали все от них зависящее, скажу лишь, что на третий день все документы были посланы по электронной почте в Москву. И уже на следующий день я получил ответ: «Ваши документы в порядке и переданы в Экспертный совет. Поздравляю!». И мы все облегченно и с надеждой вздохнули... Окончательный ответ пришел через четыре месяца, и он был положительный: нам выделили грант (правда, – из-за резкого падения рубля по отношению к доллару – меньше, чем мы просили), который не вполне покрывал расходы на перевод книги на иврит! Для того, чтобы этих средств хватило, мы решили сократить в разумных пределах, в основном, за счет стихотворной части, а также отдавая предпочтение переводам военной прозы автора, что было согласовано и с И. Дегеном, и с Ю. Солодкиным. Вместе с главным организатором переводческого процесса – известным израильским переводчиком Хаимом Долгопольским – мы привлекли к работе над переводами рассказов и стихов Дегена ряд его коллег: Сиван Бескин, Владимира и Марию Глозман, Хаву Корзакову, Рут Левин, Лизу Розовскую, Полину Тименчик и др. Одному из первых я предложил участвовать в этой работе Петру Криксунову – одному из самых авторитетных и талантливых переводчиков (ему, например, принадлежат переводы стихов О. Мандельштама, «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, ряда произведений Ф. Достоевского, В. Набокова и др.). Однако он сразу же отказался, т.к. был занят переводами собрания сочинений Зезва Жаботинского по заказу тель-авивского Института Жаботинского. Мне с трудом удалось уговорить его взяться за перевод самого знаменитого стихотворения Иона Дегена *«Мой товарищ, в смертельной агонии...»*. (Забегая вперед, замечу, что в сборник вошли еще два ранее существовавших перевода этого стихотворения Дегена, о которых мы узнали в ходе подготовки этого издания. Их авторами были Владимир Глозман и Эмануэль Быховский. Мы спросили Иона Дегена, какой из вариантов перевода он предпочел бы вставить в основной текст, и он выбрал перевод В. Глозмана. Тогда в приложении к книге мы поместили переводы П. Криксунова и Э. Быховского).

Ион Деген и Игорь Губерман на Иерусалимской книжной ярмарке. 10 февраля 2015 г.

воспользовались случаем и публично поблагодарили координаторов этого проекта за помощь в получении гранта. А Марина Скачкова – молодая сотрудница этого Института, с которой и состоялся мой первый разговор по телефону в середине августа – получила большой букет роз из рук Иона Дегена. Так совпало, что на ярмарке впервые появился и новый номер журнала «Лехаим» с большим портретом Дегена на

Благодаря тому, что Криксунов вовремя выполнил перевод знаменитого стиха, мы уже 10 февраля 2015 г. впервые его озвучили на встрече с посетителями Международной Иерусалимской книжной ярмарки, в которой участвовала и группа сотрудников из Института перевода. По их просьбе мы с Ионом Дегеном и Хаимом Долгопольским выступили перед русскоязычными посетителями ярмарки и познакомили их с ходом работы над книгой. Конечно, мы

обложке: Он был заснят в тот момент, когда ему вручали в Москве, на праздновании Хануки в декабре 2014 г., статуэтку «Скрипач на крыше» в номинации «Человек-легенда».

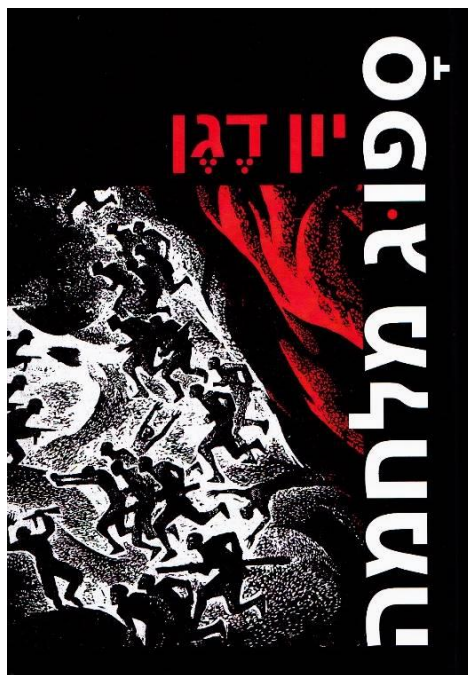
Наконец, к началу апреля все переводы были готовы, и мы передали их сыну Иона – Ури Дегену, который репатриировался с родителями в 1977 г., когда ему было 23 года. Его свободное владение русским и ивритом помогло ему объективно оценить переводы. Более того, значительную долю работы ивритоязычных редактора и корректора ему пришлось взять на себя по причине того, что он не только хорошо знал оба языка, но и понимал контекст описанных событий, тесно связанных с биографией автора и специфики его среды обитания. Разумеется, оба рассказа, переведенные им ранее, – «Низководный мост» и «Хасид» – тоже вошли в книгу.

После снятия ряда вопросов с переводчиками, рукопись была передана корректору, а затем – издателю, то есть – мне. До Дня Победы оставалось всего полмесяца, и я в срочном порядке готовил верстку книги. В качестве иллюстраций я воспользовался теми же рисунками друга Дегена, бывшего танкиста, подполковника советской и израильской армий **Аркадия Тимора** (1919–2005). Впервые они, по совету Иона, вошли в новосибирское издание, а затем – и в наш сборник; два из них были воспроизведены на переплетах двух этих книг.

Первые сигнальные экземпляры должны были появиться к 4 июня*, т.е. к 90-летию Иона Дегена, а тираж уже позднее. По просьбе Иона и его сына мне удалось договориться с типографией, чтобы вместо обычных 2-х сигнальных экз. напечатали бы 12 экз., т.к. на юбилейном обеде должны были присутствовать самые близкие друзья Дегена, в т.ч. несколько израильских генералов-танкистов, которые знали о готовившемся к юбилею издании на иврите и надеялись получить их в подарок от автора. Так и случилось: за несколько дней до Дня рождения Иона я подвез ему 8 экземпляров для подарков, а остальные оставил для издательской доработки. (К сожалению, сам я не смог присутствовать на юбилее, т.к. улетел в Москву на ежегодную трехдневную встречу членов Национального союза библиофилов и на презентации новых книг издательства «Филобиблон»).

*Ион Деген и председатель Сообщества
Танкистов-ветеранов Армии обороны
Израиля бригадный генерал (в отставке)
Менаше Инбар. Июнь 2015 г.*

По рассказам ряда знакомых, присутствовавших на юбилейном обеде, все прошло очень торжественно и симпатично, Ион был на подъеме, много шутил и с гордостью дарил первые экземпляры своей книги ивритоязычным друзьям и внукам. А я был рад, что помог осуществить давнюю мечту подлинного героя, легендарного человека и воина при его жизни...

* На самом деле И.Деген родился 31 мая 1925 г., но формально, по документам, 4 июня 1925 г.

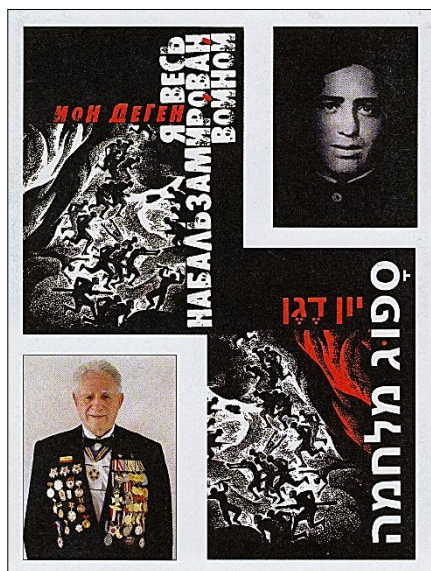
Позже мне довелось участвовать в двух презентациях книги Дегена – в Реховоте и Иерусалиме. Встреча в Реховоте, на которой присутствовало свыше 100 человек, ветеранов ВОВ, произвела особое впечатление. Ион был в

На презентации книги Иона Дегена в Иерусалимской русской библиотеке.

Слева – Юрий Солодкин, справа – Леонид Юниверг. 23 марта 2016 г.

замечательной форме, много рассказывал, и читал не только свои стихи, но и большую поэму Семёна Вортмана, его покойного друга 50-х – 60-х гг., которая еще не была опубликована, но запомнилась ему настолько, что он прочел ее по памяти, что произвело большое впечатление на всех присутствовавших! Как ни странно, в этот вечер было продано около 50-ти экз. сборника, т.к. ветераны решили подарить их своим внукам, свободно владеющим ивритом... А из второй презентации, прошедшей в

Иерусалимской русской библиотеке, запомнилось то, что на ней присутствовали внуки Дегена и несколько молодых русскоязычных солдат-танкистов ЦАХАЛа – Армии обороны Израиля. Если бы вы видели, как они внимали каждому слову автора!

И конечно, Иона Дегена как самого уважаемого гостя ждали на праздновании Дня Победы в Иерусалимском муниципалитете, намеченном на 16 мая 2017 года. Однако 28 апреля, И. Деген скончался... И тогда Израильский союз ветеранов ВОВ решил посвятить эту встречу его памяти. В подготовке Дня Победы приняли также участие Российский еврейский конгресс, Правительство Москвы, и Иерусалимская городская русская библиотека. Я был приглашен в качестве издателя выступить на этой встрече и презентовать книгу Иона Дегена, но, увы, уже без участия автора сборника произведений «человека-легенды» на иврите.

Пригласительный билет на празднование Дня Победы в муниципалитете Иерусалима

* * *

А вот небольшое дополнение к судьбе ивритской книги И. Дегена.

В конце 2020 г., готовя к печати юбилейное издание к 30-летию Иерусалимской русской библиотеки, я неожиданно в статье Леонида Вольмана «Прогулка вдоль “поэтических” полок в Русской библиотеке» встретил такой рассказ автора: «Несколько лет назад я сопровождал одного гостя, приехавшего из России, и пожелавшего посетить иерусалимский музей Яд ва-Шем. В музейном Зале Имен я обратил внимание на небольшую группу молодых ребят в форме ЦАХАЛа. Один из солдат придерживал под рукой книгу, на обложке которой белым по черному вертикалью бросалась в глаза надпись: «מלחמה בלב» .

Я коснулся локтя своего спутника и шепнул ему на ухо:

– Смотри, у этого солдата книжка нашего земляка Иона Дегена. Она есть и на русском языке, и называется «Я весь набальзамирован войной».

– Так у меня есть такая книга! – воскликнул он в ответ так громко, что окружавшие нас люди осуждающе оглянулись.

– Я купил ее три года назад у нас в Новосибирске. Знаешь, в этой книжке есть такой стих, такой стих, что я сразу его запомнил до последнего слова, – уже тихим голосом продолжил он и, возбужденный, тут же наизусть прочитал все восемь строк знаменитого стихотворения «Мой товарищ в смертельной агонии...»

Когда мы возвращались домой, я рассказал моему гостю, что книгу Иона Дегена – знаменитого героя-танкиста, д-ра мед. наук и писателя, – которую мы видели у израильского солдата, выпустил в свет в 2015 г. Леонид Юниверг в своем иерусалимском издательстве «Филобиблон». [...]

Этот эпизод возник в памяти, когда я перебирал книги на полках поэтических сборников в Иерусалимской русской библиотеке в поисках нужного мне автора, и мне на глаза попалась эта книга Дегена, которая, помимо своего уникального содержания, являла и мастерство профессионалов перевода с русского на иврит. Открыв книгу, сразу обратил внимание на автограф Дегена, сделанный им в день ее презентации в Русской библиотеке:

«Иерусалимской Русской библиотеке – с благодарностью и с надеждой, что эта книга будет служить не только украшением... И. Деген, 23.03.2016»

